

С М Е Н А

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

„СОВРЕМЕННЫЕ ДЕВУШКИ“, кто они и о чем они разговаривают?

(см. стр. 18-ую этого номера)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1928 год

ЖУРНАЛЫ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

„СМЕНА“ — двухнедельный, иллюстрированный массовый журнал молодежи.

Подписная цена снижена на 30%. Журнал реорганизован и дает на своих страницах два больших прикоммюнических романа.

Подписная плата: на 1 г. — 1 р. 80 к., 6 мес. — 95 к., 3 мес. — 50 к., 1 мес. — 18 к.

ПРИЛОЖЕНИЯ: Библиотека приключений на суше и на море, 10 книг. Ц. 7 р. 50 к. (вм. 13 р. 13 к.). Библиотека комсомольских поэтов, 5 книг. Ц. 2 р. 50 к. (вм. 4 р. 75 к.). Библиотека туриста, 2 книги. Ц. 1 р. 10 к. (вм. 2 р. 15 к.). Молодость, литературно-художественный альманах. Ц. 1 р. 20 к. (вм. 2 р. 25 к.).

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“ — ежемесячный литературно-художественный, общесоюзно-политический и научно-популярный журнал ЦК ВКП(б) и ЦК ВАСМ.

Подписная плата: на 1 г. — 10 р. 50 к., 6 мес. — 5 р. 50 к., 3 мес. — 2 р. 80 к., 1 мес. — 1 р.

ПРИЛОЖЕНИЯ: Собр. сочин. С. Семенова, в 3-х томах (печат.). Собрание романов и повестей С. Малашикина „Две войны и два мира“, Записки Аняны Жмуркина, „Сочинения Елизаветы Заваливиной“. Собр. сочин. А. Жарова в одном томе (печатается). Все перечисленные книги высылаются подписчикам по выходе их из печати со скидкой в 40% с номинала.

Собр. сочин. С. Басова-Верхошечина, 2 тома. Ц. 1 р. 25 к. (вм. 2 р. 10 к.). Собрания статей „Как и над чем работать писателю“. Ц. 85 к. (вм. 1 р. 50 к.).

„ЮНЫЙ КОМУНИСТ“ — двухнедельный руководящий орган ЦК ВАСМ.

Подписная плата: на 1 г. — 7 р. 20 к., 6 мес. — 3 р. 70 к., 3 мес. — 1 р. 90 к., 1 мес. — 65 к.

ПРИЛОЖЕНИЯ: Стенографический отчет VIII съезда ВАСМ (будет выслан по выходе из печати со скидкой 40%). Серия „За единство ВКП(б)“, 6 книг. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 75 к.). Библиотека комсомольских активистов, 8 книг. Цена всей библиотеки 2 р. 75 к. (вм. 4 р. 75 к.).

„КОМСОМОЛЬСКИЙ АГИТПРОПАГОДНИК“ — двухнедельный орган Агитпропа ЦК и МК ВАСМ.

С 1 января 1928 г. журнал выходит в увеличенном размере.

Подписная плата: на 1 г. — 5 р. 80 к., 6 мес. — 3 р., 3 мес. — 1 р. 55 к., 1 мес. — 55 к.

ПРИЛОЖЕНИЯ: Серия „За единство ВКП(б)“, 6 книг. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 75 к.). Библиотека деревенского агитпропа, 6 книг. Ц. 1 р. 25 к. (вм. 2 р. 07 к.). Библиотека городского агитпропа, 5 книг. Ц. 1 р. 05 к. (вм. 1 р. 75 к.). Библиотека для самообразования „Наука и сельское хозяйство“, 17 книг. Ц. 5 р. 25 к. (вм. 9 р. 35 к.). Ветеран и развлечений, Ц. 1 р. 15 к. (вм. 1 р. 80 к.). Стенографический отчет VIII съезда ВАСМ (будет выслан в июне 1928 года со скидкой 40%).

„ВОЖАТЫЙ“ — двухнедельный руководящий журнал ЦБ юных пионеров.

БЕСПЛАТНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ: 1) для годовых подписчиков — „Спутник вожатого“, под редакцией ЦБ ЮП, 20 печ. листов, в переплете. Решения пленума ЦБ юных пионеров (декабрь 1927 г.). 2) Для полугодовых подписчиков — Круглая, Н. — Пути пионердвижения. 218 стр. Цена в отд. продаже 75 к.

Подписная плата: на 1 г. — 4 р., 6 мес. — 2 р. 20 к., 3 мес. — 1 р. 15 к., 1 мес. — 40 к.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ: Бухарин, Н. — Борьба за кадры, Ц. 90 к. (вм. 1 р. 60 к.). Зорин, В. — Международное детское коммунистическое движение, Ц. 40 к. (вм. 70 к.). Библиотека книг для городского вожатого, 7 книг. Ц. 1 р. 80 к. (вм. 2 р. 95 к.). Библиотека книг для деревенского вожатого, 7 книг. Ц. 2 р. (вм. 3 р. 40 к.).

„К И М“ — ежемесячный орган Исполкома КИМ и ЦК ВАСМ.

Подписная плата: на 1 г. — 4 р. 20 к., 6 мес. — 2 р. 20 к., 3 мес. — 1 р. 15 к., 1 мес. — 40 к.

ПРИЛОЖЕНИЯ: Библиотека „Вопросы международного юношеского движения“, 5 книг. Ц. 2 р. 40 к. (вм. 4 р. 22 к.). Литературно-художественная библиотека „Террор капитала“, 6 книг. Ц. всей библиотеки 2 р. 50 к. (вм. 4 р. 85 к.).

„ИЗВЕСТИЯ ЦК ВАСМ“ — двухнедельный руководящий орган ЦК ВАСМ. Подписная плата: на 1 г. — 3 р., 6 мес. — 1 р. 50 к., 3 мес. — 75 к., 1 мес. — 25 к.

ЖУРНАЛЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА И ПИОНЕРОВ

„ПИОНЕР“ — двухнедельный иллюстрированный детский журнал, орган ЦБ и МБ юных пионеров и Наркомпроса.

БЕСПЛАТНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ: 1) Стробокол — прибор для кинематографических изображений. 2) Как сделать проекционный фонарь и картины к нему. 3) Как оборудовать званцевой уголок. 4) Песня.

Годовые подписчики получают все 4 приложения; полугодовые — 2 приложения.

Подписная плата: на 1 год — 3 р., 6 мес. — 1 р. 60 к., 3 мес. — 85 к., 1 мес. — 30 к.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ: Библиотека журнала „Пионер“ из 7 книжек. Цена всей библиотеки 80 к. (вм. 1 р. 45 к.). Собрание повестей и рассказов Н. Богданова, 6 книг. Ц. 1 р. 70 к. (вм. 2 р. 65 к.). Библиотека романов-приключений, 7 книг в перепл. Цена всей библиотеки 9 р. (вм. 15 р. 50 к.).

БЕСПЛАТНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ получают только годовые и полугодовые подписчики. Дополнительные приложения за особую доплату по значительно удешевленным ценам получают подписчики на срок не менее 3 месяцев.

ПОДПИСКУ И ПЕРЕВОДЫ НАПРАВЛЯТЬ:

в Главную Контору периодических Изданий Изд-ва „Молодая Гвардия“ — Москва, Новая пл., 6/8, в отделения и представительства Изд-ва, в почтовые конторы, в отделения центральных газетных издательств и в концы Контратейства печати.

„ЗНАНИЕ—СИЛА“ — ежемесячный иллюстрированный научно-популярный журнал для подростков.

БЕСПЛАТНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ: 1) Воздушный бой (настольная игра). 2) Справочная книга юного мастера (сборник практических рецептов).

Годовые подписчики получают бесплатно оба приложения; полугодовые получают одно приложение.

Подписная плата: на 1 г. — 2 р. 50 к., 6 мес. — 1 р. 30 к., 3 мес. — 70 к., 1 мес. — 25 к.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ: Библиотека журнала „Знание—Сила“ из 9 книжек. Цена всей библиотеки 1 р. 15 к. (вм. 2 р. 05 к.). Серия „Наука и техника“, 19 книжек. Ц. 95 к. (вм. 1 р. 75 к.). Серия „Беседы по естествознанию“, 4 книги. Ц. 1 р. 75 к. (вм. 2 р. 90 к.). Серия „Пионеры и сельское хозяйство“, 7 кн. Ц. 1 р. 15 к. (вм. 2 р. 10 к.).

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ
ИЛЛУСТРИРОВАННЫЙ
НОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

СМЕНА

ЦЕНТРАЛЬНОГО
И МОСКОВСКОГО
НОМИТЕТОВ ВЛНМС

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ.—ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИНЮЧЕНИЯ.—ЖИЗНЬ И БЫТ МОЛОДЕНИ.—НАУКА И ТЕХНИКА.—НИНО И ТЕАТР.—ФИЗКУЛЬТУРА.—ШАХМАТЫ И ЗАДАЧИ

Редакция в контора: Москва, Новая пл., 6/8, тел. 1-81-01.

Подписная плата: 1 год—1 р. 80 к.; 6 мес.—95 к.; 3 мес.—50 к.; 1 мес.—18 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

№ 4

★ ★ ★

Ф Е В Р А Л Ь

★ ★ ★

1928

ПОТОМОК ВЕНЕЦИАНСКОГО ДОЖА

Роман И. САРКИЗОВА-СЕРАЗИНИ.

Иллюстрации А. БРЕЯ

(Продолжение)

ТОЛЬКО здесь, на огромной высоте над зыбкой шхуной, я начинал понимать всю опасность задачи, навязанной мне мстительным боцманом.

Наклонившись вниз, я увидел смотрящую на меня команду и услышал боцмана, кричавшего:

— Пошел выше на салинг!

Я поднялся на ноги, отдавая себе отчет, что за неисполнение команды меня ждет жестокое наказание, и сделал попытку подниматься выше. Попытка не удалась, я перестал владеть своими мышцами. О мачту ударило что-то твердое. Я невольно взглянул вниз и увидел шкипера, держащего винтовку и целящегося в меня. Рядом с ним стоял Кацко. У грота мелькнули испуганные лица Петина, Чиковани и Филиппова.

Вторично посылались треск и я почувствовал ожог левого уха. Дождь мелких шепок от расщепленной пули мачты засыпал мне лицо. Я невольно сжался в небольшой комочек и еще плотнее прижался ко дну площадки. Меня хладнокровно расстреливали за неисполнение приказа, дабы удержать в повиновении команду, напуганную необычным штормом.

Мне представлялось на выбор—или сорваться в море, или умереть от пули.

Стараясь не глядеть вниз, в морскую бездну, я вновь попал на салинг. Были минуты, когда я терял сознание, но жизненный инстинкт не позволял мне ослабить напряжение рук и ног. Все мое сознание было устремлено к достижению площадки салинга, где бы я мог считать себя в относительной безопасности.

Наконец, я достиг салинга и вполз в него. Прошло несколько минут, прежде чем я пришел в себя. Шкипер опустил винтовку и перестал глядеть наверх. Боцман спрятал револьвер, Петин обходящее кивал мне головою. Я тяжело дышал и улыбался Петину ответной улыбкой.

Содержание предыдущих глав. Врач приглашается к раненому при взятии Перекопа командиром матросского отряда—Труффину, который рассказывает ему свою историю. Желая поступить в русско-германскую войну во флот добровольцем, сын Феодосийского рыбака Труффиню попадает на шхуну „Ринальдо“. Командир шхуны Виллани—потомок венецианских дождей—бесшабашный моряк—авантюрист, занимается пиратством на Черном море, нападая на мирные турецкие суда. Экипаж судна шхуны вербовался из призывов Одессы, Севастополя и Батума. На шхуне Труффин находит друзей—матроса Петина, механика Филиппова и кока Чиковани. В шторм капитан посылает Труффина на верхушку мачты...

Здесь, перед лицом смерти я научился любить жизнь. Через полчаса я собрался, наконец, с силами, и рискуя ежеминутно сорваться, с большим трудом спустился на палубу и упал почти без чувств. Земли я никакой с салинга не увидел. Да если бы

она была и в полуверсте от судна, тучи не дали бы мне разглядеть берега. Всю ночь команда не покидала палубу судна и вздрагивала при каждом пугающем треске рангоута.

Мы держали топоры в руках и стояли готовые рубить мачты.

К утру ветер спал и ввалил засинели берега Крыма... Шкипер презрительно оглядывал меня в своей каюте с головы до ног и цедил сквозь зубы:

— Пули для тебя жаль... повесить на ноке—поздно... это надо было сделать в море... вернуть тебя коменданту... подумаю, что я не смог научить такую калеку, как ты, повиноваться... вспороть тебя!..

При слове „вспороть“, я невольно передернулся. — ...вспороть тебя... — продолжал Шкипер, заметив впечатление, произведенное на меня последними словами... — я не собираюсь... Попробую сделать человеком... из тебя выйдет лихой моряк... я видел, как ты взбирался на салинг... и я не пустил тебе пулю в спину только потому, что так лихо могут работать не все... пошел вон! и позови мне боцмана.

Я выскочил из каюты. Шхуна на всех парусах летела к Феодосии. У юта мои друзья с тревогой ждали чем окончится наша беседа. Лицо доброго Чиковани было бледно. Глаза Петина бегали по сторонам, а механик нервно вертел трубку.

Никто из них не ожидал, что я останусь жив. Я в нескольких словах передал им решение шкипера и побежал за боцманом.

13. ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР

В полдень вдали заabelы домики Феодосии и «Ринальдо» под всеми парусами входил в широкую бухту, чтобы залечить раны, нанесенные ему норд-остом.

«Ринальдо» ошвартовался у волнореза. Я жадно глядел с шхуны на родной город. Я не спускал глаз с горы, на которой белелся домик моего отца, я внезапно почувствовал непреодолимое желание увидеть своего отца. Я оглянулся вокруг. По волнорезу ходил часовой. На молу так же виднелись патрули, оцепившие порт. У самого трапа стучали сапоги портового стражника.

Я машинально следил за стражником и мерил возмужное расстояние от причала бухты до ступенек мола.

Желание увидеть отца парализовало чувство страха.

Я перемахнул через борт и побежал по волнорезу. Прячась за бочки и тубы, я проскочил в калитку на виду у часового, не успевшего даже вскинуть винтовку. Точно преступник, я спешил к дому отца.

Приближаясь к небольшой мечети, я увидел две длинные качающиеся тени и услышал до жути знакомый голос шкипера. Я вскочил в полунишу входа в мечеть и замер. Чей-то голос уверенно говорил...

...Им спешно нужно перепробить товар... железная дорога забита военным грузом... транспорта нет и большая страховка не вызовет подозрений... владелец — почетный гражданин и купец города... итак, капитан, по рукам... на траверсе... — Здесь голос говорившего понизился до шопота... — я режу вам нос, пускаю на дно, и мы с вами делим пятьдесят тысяч... Сумма не маленькая, дающая возможность мне отдохнуть, а вам купить себе новое судно... ваше согласие и дело в шляпе... свидетелей нет...

— Я согласен... Шхуна действительно истрепалась... начну грузиться... курс на Одессу... деньги на имя агента...

При свете луны, я увидел капитана портового буксира «Скиф» и шкипера Виллани, пожимавших друг другу руки.

Слова двух негодяев настолько взволновали меня, что я бежал к дому отца с твердым намерением скорее вернуться на шхуну и предупредить команду.

Добравшись до знакомого забора отцовского дома, я открыл калитку и постучал в окно.

Испуганный тишиной, я толкнул дверь, которая оказалась незапертой. Ни кровати, ни стола не было в комнате. Лишь на стене висела старая отцовская кепка покрытая толстым слоем пыли.

Чувство тоски сжало мое сердце и из глаз показались слезы.

Я был один в белом свете! Ничто уже не связывало меня с прошлым, а впереди не было ничего отрадного.

Я вышел во двор. В бухте чернелся силуэт «Ринальдо». Там было мое настоящее!

Я покинул отцовский дом и возвращался на шхуну.

Не имея возможности прежним путем добраться до судна, далеко от порта, на берегу, я снял одежду, связал ее в узел, привязал узел к голове и поплыл к «Ринальдо». Холодная вода моря жгла мое тело.

Поднявшись по канату, спущенному в лодку, на дубу, я вновь с удивлением услышал звуки капитанской скрипки. Нежная мелодия венецианской баркаролы рассказывала о давно минувших днях, о побежденных и победителях, о страстной любви и глазах чернооких красавиц.

Дрожащий от холода морской воды, я долго не мог оторваться от люка капитанской каюты.

После двухнедельного ремонта шхуна стала грузиться военным провиантом и табачком одного из феодосийских купцов, застраховавшего свой груз в крупную сумму. С утра до вечера трюм наполнился боченками и табачными тюками.

Продолжая убирать шкиперскую каюту, я увидел, как с ее стен стали исчезать портреты и картины. Книги были уложены в ящики, коври свернуты и заштыты в парусину. И чем ниже погружался в воду грузившаяся шхуна, тем пустыннее становилась каюта.

Крыса первой готовилась покинуть обреченный корабль и, безусловно, о заговоре знали помощники шкипера: вечно-молчаливый Цалла, боцман-горилла, хитрый грек Кацика и старший рулевой Гафар.

В день приготовления судна к уходу в море, приблизительно около десяти часов утра, я услышал капитанский зов.

— Ступай за мной! — приказал капитан, спускаясь в свою каюту. Каюта была

пуста и производила впечатление спешно-покинутого помещения. На столе, с которого была снята знакомая мне узорчатая скатерть, лежала винтовка, обоймы патрона, скрипичный футляр и тщательно завернутый в плотную бумагу пакет.

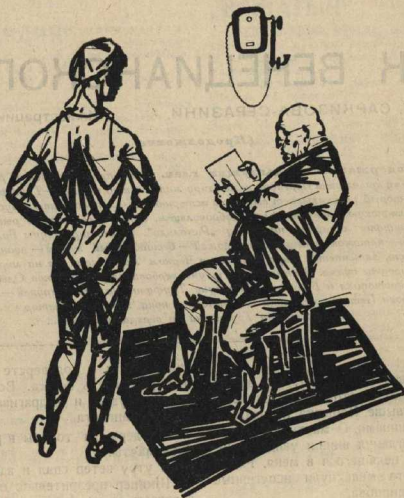
14. ТРИ ПИСЬМА

Капитан пристально посмотрел на меня. Я с покорным видом стоял в дверях и ждал распоряжений. Виллани вытащил из бокового кармана три письма и протянул мне.

— От аккуратного исполнения тобой моего поручения зависит многое... я делаю в твоих интересах... и интересах всей команды...

В его глазах я не мог уловить ни тени иронии.

— ...я тебе уже говорил однажды, что ты будешь хорошим моряком, несмотря на твою короткую ногу...

... Агент углубился в чтение письма... ..

В зрачках его глаз появился блеск жестокости.

— С заходом солнца мы уйдем в море! Сколько продолжится рейс, неизвестно, может быть, день, может быть, неделю... а может быть, и больше... море не выдает тайн... как делают часто люди...

Холодный пот выступил у меня на лбу.

— Отправляйся в город, отдай эти письма по адресу и до захода солнца будь обратно на шхуну! Вместе с третьим письмом отдай и эти вещи... Я поручил бы это дело Цалле, но он болен...

Шкипер взял со стола скрипичный футляр и пакет, перевязанный шпагатом, и дал их мне в руки.

— Вставай! Вот тебе пропуск...

Я взял вещи и письмо и вышел из каюты.

Караульные солдаты пропустили меня на территорию порта и я направился к «Скифу», капитану которого было адресовано первое письмо.

Быстро поднявшись по трапу, я подошел к стоящему на мостике невысокому, пухлятому, еще молодому бронету в капитанской форме и передал ему письмо. Из его рта пахнуло на меня запахом водки.

Не слушая выкрики пьяного капитана, я сбежал с бусира, который стал медленно удаляться в море.

Поравнявшись с «Ринальдо», бусир замедлил ход и оба капитана обменялись приветствиями. Два негодая желали друг-другу удачи.

Я перешел полотно железной дороги и вышел на Итальянскую улицу — главную артерию Феодосии.

Поднявшись на четвертый этаж страхового общества и разскивая адресат второго письма Виллани, я подошел к дубовым дверям с надписью: «агент» и слегка их приоткрыл. Кто-то говорил по телефону:

— ...да... шхуна, вероятно, отойдет сегодня... ваша мысль застраховать в сто тысяч генялина... да... в сто тысяч генялина... застраховать... генялина... да... пятьдесят расходи... Можете быть спокойны... да... Капитан старый моряк и опытный шкипер... Алло... Алло... не беспокойтесь... формальности на мне...

Войдя в кабинет, я увидел плешивую голову и огромный с горбинкой нос. Жирный подбородок подпрыгивал от беззвучного смеха; а широкая ладонь потирала колено.

— Мне приказано передать вам письмо от капитана шхуны!

— Письмо? Я знаю... я жду это письмо!... — сыпал фразами агент, разрезая конверт... — ты обязательно будешь капитаном... обязательно... несмотря на хромую ногу.

Затем на минуту агент умолк и углубился в чтение письма.

Его лицо краснело, на ще, лбу и лысине проступали крупные капли пота. Не сдерживая своей радости, он кинулся к телефону.

— Алло... Алло... 2-45... да... кто? Это вы? Слушайте... Слушайте... Сегодня баркасы уезжают за рыбой... половину улова уже сейчас считайте в кармане... не беспокойтесь и молитесь богу за наше дело!

Толстяк бросил телефонную трубку и, взглянув на меня, продолжавшего стоять в дверях, затормозился, вытащил из кошелька гривенник и протянул его мне. Противные, толстые пальцы любовно даскали серебряную монету, а глаза выражали необыкновенное благодушие.

Не сдержав себя, я бросил монету на стол и вышел, со злостью хлопнув дверью.

Из кабинета послышалась мне негодующая ругань.

Иуда, знавший, что я один из обреченных на смерть, мог еще шутить с одной из будущих жертв дьявольских планов.

Все мои колебания и сомнения исчезли. О предстоящей гибели «Ринальдо» знали не только на шхуне, но об этом знал и жирный агент, при помощи которого совершалась гнусная сделка, и страховщик груза оценил его в необыкновенно высокую сумму. Я было решил не возвращаться на шхуну, но мысль бросить своих друзей перед лицом опасности показала мне настолько чудовищной, что я скорыми шагами направился к свободке Сарагала, местожительству третьего адресата.

Я долго ходил по узеньким улочкам Сарагала, разыскивая третий адресат.

На конверте капитанским почерком крупно стояло: «передать в собственные руки няне». Фамилии поставлено не было.

Наконец, после получасовых поисков, я нашел нужный дом и подошел к закрытым воротам, из-за которых слышалось рычанье собаки.

Дернув звонок, я приготовился войти.

На звонок никто не откликнулся. Я позвонил вторично. К воротам поспешно направились чьи-то легкие шаги и приятный мелодический голос, принадлежавший неизвестной девушке, спросил:

— Кто там?

Несколько удивленный, я, смягчив голос, ответил:

— Матрос со шхуны «Ринальдо». Мне нужно видеть няню, чтобы вручить ей вещи, присланные капитаном! Не успел я окончить последнюю фразу, как услышал радостное хлопанье в ладоши и огорченное восклицание:

— Что ж мне делать? Няня ушла в город и на ключ заперла калитку и ворота... Кроме того, мне запрещено выходить на улицу...

В голосе девушки звучало отчаяние, я оглядел забор, окружающий двор, и крикнул ей:

— Спрячь собаку, а я перелезу через стену!

Я быстро влез на забор и заглянул во двор.

15. „ПЛЕМЯННИЦА“ КАПИТАНА

У ворот стояла девушка, лет восемнадцати, державшая на цепочке огромную овчарку.

Она глядела на меня, сидевшего верхом на стене, и ободрающе кивала головой.

Незнакомка поразительно напоминала лицом шкипера, но без знакомой мне резкости в чертах, надменности в пово-

роте головы и без его хищной улыбки степного стевратника.

Девушка была чертовски хороша. Ее загорелое лицо, русые волосы и блестящий взгляд, все еще устремленный на меня, делали свое дело.

Она, улыбаясь, ободряюще крикнула мне:

— Что же вы уеслись на стене? Прягайте во двор!

Я перебрósал через стену ногу и прыгнул на землю. Мой прыжок вышел неудачным, и я растянулся перед ней на земле.

Девушка кинулась ко мне. Собака, обнюхав место падения и мои ноги, приветливо замахала хвостом.

— Вы не ушиблись?— участливо спросила меня девушка и, заметив, что я не могу ровно стоять на земле из-за своей укороченной ноги, протянула:

— Да вы хроменький?

Никогда я не чувствовал так остро своего физического недостатка, как в это время, когда стоял перед девушкой, ставшей потом моей женой и моим верным другом.

Я стоял перед ней разинув рот и не мог выдавить из себя ни одной фразы. Слово «хроменький» гудело в моих ушах. Не замечая моего смущения, незнакомка кокетливым жестом поправила пунцовый бант в своей косе и, взяв меня под руку, повела к маленькой террасе.

Я следовал послушно за ней, прихрамывая на ушибленную ногу, и любовался еестройной фигурой, одетой в простенькое, но с большим вкусом сшитое платье.

— «Султан» страшно не любит дядиных матросов, а вы ему очень понравились,— обратилась девушка ко мне, когда мы уеслись на широкой камышовой кушетке.

Она задумчиво покачала головой и глубоко вздохнула.

— Скажите, пожалуйста, вы давно видели дядю? Почему он перестал посещать нас? Передайте ему, что я часто его вспоминаю и часто плачу... Я хочу, так и скажите,— хочу, чтобы он приехал!

Девушка закрыла лицо тонкими пальцами, и я увидел след сквозь них слезы.

— В первый приход судна меня к нему не пустили... Теперь тоже самое... все двери запирают на запоры... чего-то боятся... я не маленькая... Я уберу... Я как вы перелезу через забор и уберу в гавань...

Она отняла от своего лица пальцы, и я еще больше убедился в поразительном сходстве ее лица с лицом капитана.

Я оглянулся вокруг и увидел в широко распахнувшуюся дверь роскошно убранную комнату. Роскошь убранства не гармонировала с убожеством внешнего вида дома.

Красота и доверчивость девушки сковали мои уста робостью, и я с трудом задал ей вопрос:

— Как зовут вашего дядю?

Смуглое лицо выразило непередаваемое удивление.

— Вы не знаете дядю?

— Да, не знаю!— сознался я.

— Кто же вас прислал к нам?— в свою очередь спросила она.

— Капитан шхуны «Ринальдо».

Девушка быстро закивала головой.

— Капитан и есть мой дядя! Хотите, я покажу вам его карточку?

Она встала и побежала в комнату, откуда через минуту вынесла несколько фотографий.

— Вот карточка дяди!

Представьте же мое изумление! На карточке был снят шкипер с сидевшей у него на коленях девочкой лет 6—7, в которой я без труда узнал улыбающееся личико стоявшей передо мной девушки.

— А вот портрет и моей мамочки! Она умерла, когда я была еще маленькой. Отца совершенно не помню. Мне передавал дядя, что папа утонул во время шторма, когда мне было два месяца. Дядя заменил мне отца и мать. Он хорошо играл на скрипке и крепко любил меня... Ах, как хорошо мы жили втроем. Я, дядя и няня...

Мои мысли были далеко. Я глядел на пожелтевшую фотографию, на красивое славянское лицо неизвестной женщины и ее печальное лицо напоминало мне портрет этой же женщины, случайно виденный мною в капитанской каюте.

— Вы часто видите с дядей?— спросила меня девушка. Я машинально отвечал:

— Часто, почти ежедневно!

— Правда, он очень добрый?— повторила она вопрос.

— Правда!— покраснел я.

Девушка заметила мое смущение, протянув руку к футляру со скрипкой и папке, лежащим у меня на коленях, она сказала:

— Почему дядя прислал к нам все свои вещи?

Я не знал, как ответить на ее вопрос.

Солнце уже скрывалось на горизонте. Мне было пора возвращаться на шхуну.

— Это скрипка дяди!— радостно говорила девушка, раскрыв футляр, — а вот и портрет нашего любимого героя Жана Барта! Он в нашем доме в Одессе всегда висел над кроваткой дяди!

Девушка продолжала делиться воспоминаниями.

— Очень часто дядя увлекательно рассказывал мне и няне про жизнь и смерть этого французского пирата... Да... это было два года назад... после этого дядя покинул нас. С тех пор мы живем в этом скучном, противном городе!

Я слушал незнакомку и машинально вертел в руках письмо с надписью «в собственные руки — няне». Конверт выскочил из моих пальцев и упал на пол. Я не успел нагнуться, чтобы поднять письмо и спрятать его, оно уже очутилось в руках у моей собеседницы. Она, не глядя на адрес, разорвала конверт и с внезапно-поблдевшим лицом стала читать написанное на тонких листках бумаги.

Внезапно крик девушки нарушил тишину и разбудил овчарку, с лаем бросившуюся к воротам.

Скомканное письмо упало на колени девушки.

Испуганный криком и полубезумным взором ее, я схватил полуразорванные листки письма и стал читать:

«...не знаю, вернусь ли я живым или погибну в море... береги дочь мою... Пусть она не знает о прошлом... все деньги получишь от...»

Скрипнула калитка и в дверях показалась пожилая женщина.

Я сбегал с террасы во двор и выскочил на улицу. На террасе раздавался плач и увещания.

(Продолжение следует)

УЧИТЬСЯ НАДО, ТОВАРИЦЫ!

(ДВА ПИСЬМА МАКСИМА ГОРЬКОГО)

Редации „Смены“

МОЖЕТ быть, потому, что теперь для меня время бежит, как нахлестанное, и потому, что я слишком хорошо помню мучительно медленные шажки прошлого, но мне кажется, что вы, комсомол, растаете удивительно быстро. Это — не комплимент человеку, который хочет нравиться, а действительно мое впечатление, вызванное, разумеется, не только одной вашей газетой. Нет, я имею в виду то, как решительно отказываются комсомольцы от некоторых своих ошибочных увлечений, например, в области современной литературы, которая иной раз слишком торопится густо подчеркнуть темные стороны бытия, — возьмем хотя бы отношения полов. Подчеркивая, по-судейски, отрицательные явления, литература сосредотачивает нездоровое внимание на том, что требует здоровой и активной борьбы. Мне кажется, что комсомольцы понимают как неверны и обидны для них торопливые выводы.

Посоветовать вам, что из моих рассказов можно бы напечатать в „Смене“, — затрудняюсь. Но совсем асоно превращать, что явится для вашего читателя наиболее интересным по смыслу и по форме.

Может быть подойдет „Человек“, „Песня о соколе“, „Буревестник“? Пожалуй, рекомендовал бы „Мать“ из „Итальянских сказок“. Мне кажется, что теперь перед матерями стоят новые и огромные задачи по отношению к детям и что девичья-комсомолкам следует подумать и над этой своей ролью в жизни. Возможно, что моя „Мать“ заставит подумать над этим.

Если же вы хотите познакомить читателей „Смены“ с моей биографией, — рекомендую статьи тов. Ильи Груздева из „Молодой Гвардии“ за 1927 год книги 1-я и 5-я.

Примите мой товарищеский и сердечный привет.

А. Пешков

II

«Товарищ Яряев находит, что язык ваших очерков (А. М. обращается к тов. Б. Полевому. — Ред.) «сочен, меток, богат образами». Давайте разберем — так ли это.

Прежде всего откинем язык диалогов, его сочность и меткость принадлежит не вам, вы их почерпнули из «блатной музыки». Вам принадлежит язык описаний. «Ночлежка — каменный череп», пишете вы. Это — плохой образ, потому что неясный. Говоря «череп», нельзя отказаться от представления о форме шара, хотя я несовершенный. А вы, говоря «ночлежка» — череп, говорите о части черепя, черепной крышке, — о своде, — при чем, заставляете меня, читателя, видеть ее не снаружи, а изнутри. Понятно? Затем: необходимо избегать соединений конечного слова одного слова с начальным другого, когда эти слоги, сливаясь, образуют третье: ка-ка.

Максим Горький

В текущем году исполняется 35-летие литературной и общественной деятельности Максима Горького (А. М. Пешкова). В мае с. г. М. Горький предполагает приехать в СССР. М. Горький всегда отличался горячей отзывчивостью по отношению к молодым, начинающим писателям, ведь с ними оживленную переписку, посылая им советы и указания. Недавно редакция петербургской комсомольской газеты „Смена“ получила из Сорренто (Италия) от М. Горького первое письмо от 18 ноября 1927 г., второе — от 10 января 1928 г., посвященное разбору посланных ему художественных очерков молодого писателя Б. Полевого. Оба письма интересны для читателей журнала „Смена“, почему редакция печатает их ниже. Совет Алексея Максимовича — „Учиться надо, товарищи, учиться“ — относится ко всем начинающим писателям из молодежи. Они должны внимательно прислушаться к указаниям Алексея Максимовича — Б. Полевому.

„Лампочки точно желтые глаза собаки“, — этот образ повторился у вас дважды на тринадцатой и шестнадцатой стр. „Тускло цедят желтый, грязный воздух“. Цедят всегда сквозь что-нибудь и медленно или быстро, а „тускло“ цедить — этого никто не поймет. И как могут лампочки цедить, т. е. пропускать сквозь себя воздух? Свет — материал и взвешен в воздухе, а не

воздух взвешен в свете. Затем, если вы сказали: „лампочки желтые“, этим вы уже сказали, что и свет желтый, не нужно повторять одно и то же слово на близком расстоянии, скучно это.

Вы часто используете слова: не-ескылинулз, а скоулнулз, от глагола — колдунз. «Очины ух», ух — не карандаш. «Очины» — это должно быть украинское «очины» — открой. «Зависла голова оттопленна бм инаньялз» — бм следовало поставить после „нанялз“. Русский всегда так и ставит. Человек у вас „кусал, царапал, целовал, ласкал“ землю. Возможно, что он все это и делал, но не так, как вами написано, потому что я, читатель, этому не верю. Здесь у вас не хватало той образности, которая заставила бы меня поверить, что человек действительно делал это.

Все это не пустяки, не мелочи, а техника. Так же, как токарь по дереву или металлу, литератор должен хорошо знать свой материал — язык, слово, иначе он будет не в силах „изобразить свой опыт, свои чувства, мысли, не сумеет создать картин, характер и т. п. Вы, молодежь, должны учиться владеть техникой литературной работы так же мастеров, как владели ею юноши-классики. Вам надобно знать все, что знали они, и знать лучше их. История призвала вас к созданию новой жизни, значит — вы должны и литературу тоже обновить. Вам не надо торопиться хвалить друг друга за малые успехи, на вас возложена обязанность стремиться к успехам большим. На вас, на вашу работу с надеждой смотрит трудовая народ всего мира, из вашей среды должны выйти его поэты, ученые, вожди. Вы должны учиться, не шая себя, учиться всему, что есть лучшего в мире, всякой технике и, конечно, технике словесного творчества. Этому научиться не так трудно, потому что у вас есть великодушные образцы: Гоголь, Лев Толстой, Лесков, Чехов, Пришвин, и не мало других отличнейших знатоков русского языка, строя русскую речь. Поймите меня: я говорю не о подражании, а только о необходимости для вас обогатиться словами, изучить дух языка, строй речи. Идеологические заразы, отравления духом враждебного вам класса бояться не следует — великий страх возникает из непонимания, да и уже происходит то время, когда рабочие люди чего-то боялись.

Но учиться надо, товарищи, учиться!

М. Горький»

Товарищи — читатели журнала!

Пишите и шлите редакции „СМЕНИ“ свои пожелания, предложения, замечания, касающиеся содержания журнала, какие статьи, заметки, очерки вы хотели бы прочесть в „Смене“, какие новые отделы вы хотели бы иметь в журнале.

Пишите редакции по всем интересующим вас вопросам.

Помните адрес редакции: Москва, Новая пл. д. 6/8 и что ОДИН НОМЕР ЖУРНАЛА „СМЕНА“ СТОИТ ТОЛЬКО 10 КОПЕЕК.

ЛЮДИ ПРИАМУРЬЯ

Очерк ВЛ. ОШАНИНА

Жо-шуй! — неподвижная река

Реки Дальнего Востока измечены. Таинственная Ан, впадающая в Кизи-Пиеду, трижды, — по преданию, — возвращалась к своим истокам. Озеро Ханка поглотило пять впадавших в него рек, а Сунгари, с течением веков, из голубой реки превратилась в грязно-желтую. По искуму верев своей судьбе [Амур или Жо-Шуй, по-китайски — река сиа.

Неподвижная, она никогда не изменяла цвета своих вод и не выходила из берегов, поросших девственными зарослями кедр, лимонника и аралии.

Когда странствовавший в веках народ — голды, пришел на Амур, убежав от полиций Чингис-хана, он опирался в этих лесах легче, чем за величественными хребтами Сихот-Али-на.

Амур забыл времена, ленив и неподвижен. Его вода, как шкура уссурийского дракона „Уде-Ну“ меняется поминутно, чтобы всегда оставалась старой.

Неподвижны в своих верованиях, формах быта, любви, труда и населяющие Амур племена и народы.

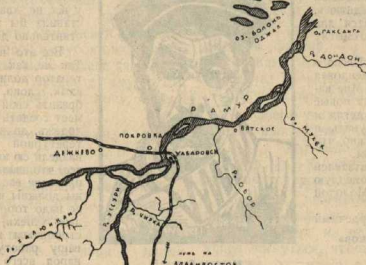
Голды, ороши, ламуты, бродячие китайцы — искатели женщины — и китайцы мастеровые, жившие остались для них такой же, как принимал ее когда-то еще охотничий народ Сусуи, в III веке до нашей эры платинный дань китайским императорам в виде луков и ядовитых стрел.

В то время, как Дальний Восток лихорадочно оживает в своих центрах, строятся новые дороги,

Приамурье, входящее в состав Дальневосточного Края, плотностью своего населения едва превышает Ливийскую пустыню, Сахару и Монголию — самые пустынные части мира. На 1 квадрат км. приходится всего 0,9 человека, сплошь и рядом здесь громадные лесные районы совсем не заселены и почти не изучены в географическом отношении. Природа первобытна и сурова. Амур протекает в полосе тусклов, дующих летом со стороны моря и несущих с собой большое количество влаги, а зимой с-зап. ветров, приносящих с суши сухой и холодный ветер. Трудно найти в другом месте земного шара такое разнообразие растительности, какое характерно для Приамурья. Растения тропиков и жаркого юга — аралия или чертовое дерево, лманы, виноград, пробковое дерево и лимонник перемежаются с растительностью самого дальнего севера. При 45° жары летом и при 45° мороза зимой человек, окруженный дикими лесами на девственной земле, строит свой быт и ведет борьбу за существование. Коренное население области — туземцы тунусских народностей; в городах и крупных поселках переселенцы — выходцы из центральных районов СССР, а в тайге и на промыслах китайцы. Горные образования и в основном образом хребты Малый Хинган, пересекающий Приамурье, богат ценными ископаемыми и рудой, но эксплуатация их находится пока еще в зачаточном состоянии. Приамурье считается центральным районом Дальнего Востока, главный город его Хабаровск.

Портный бродяга Ли-Фу-Сян

Ли-Фу-Сян избродил весь Дальний Восток от Николоуссурьска до Читы, и вы

Схематическая карта центрального района Приамурья

Девушка-гольда

край электрифицируется, добывает тысячи тонн золота и угля; китайцы попрежнему не умеют обрабатывать поле для пайзы и поэтому бродят с места на место, а голды только что променяли самое дельное оружие сушеней на кремневое ружье.

¹ Старинное китайское название р. Амура.

² Аралия — чертовое дерево.

³ Горный хребет.

увидите его на любом базаре, где китайцы развлекаются, продают шелковые воздушные шары и жарят крабов для голодных кули.

Кули — его постоянные заказчики. Ли-Фу-Сян — портной. Он чинит им кофты, потерявшие от тяжести, переставляемых ими в портах и каменоломнях.

Мастерская Ли-Фу-Сяна или за спиной у него в мешке, или на двух оббитых войлоком досках на коленях. Весь базар бывает в этой мастерской. Ее легко найти среди бесчисленных лавок и ларьков, потому что Ли-Фу-Сян ставит возле себя палку с красной бахромой и вешает на нее утюг.

Утюг, два сорта пуговиц — один для хаватон, другие для пантагон, — ножницы и доска иглою — вот и весь походный инструмент Ли-Фу-Сяна, но владеет он им с удивительным совершенством.

Кули — потребитель массовый. Целая артель открывает вдруг перед Ли-Фу-Сяном десятки своих прощех, на которые в

¹ Кули — китайские рабочие,

несколько минут он должен наложить заплатки.

Он выкраивает их заранее по всем размерам и сортам — от маленькой как пуговичка заплатки, до громадных, как дичье из ведра, заплат, и сразу находит достойное для каждой из них место. Когда костюм, побывав в его руках, попадает вновь в владения того и не отыщет сразу, где была дыра. Правда, не-прихотливости кули помогает Ли-Фу-Сян в этом. У кули платье не только на один покров, но и из одной универсальной для всей китайской бедноты материи — даймоу.

Когда начинается строительный сезон, китайские рабочие немного богатеют, тогда Ли-Фу-Сян садится за шитье, он кроит и точает целый день, пока шумит базар.

Над головой у него пылающее солнце. Вкусно пахнут жареные трепанги, саковой, а Ли-Фу-Сян напевает себе под нос песенку китайских — странников — портных о том, как хорошо, если все люди будут одеваться в шелк, и каждый сможет шить себе халат, как у мандарина Киа-Кинга с золотой каймой.

В эти дни Ли-Фу-Сян пускает в ход и свой утюг. Он перемакивает со шитыми на штангу и летящими его дымок выстил под вешечной, неизменно даймоу.

Найхун — амурский рыбовод

Амур изобилует рыбой. Ее не всегда даже вмещают берега. Выбывает, что вода переполняется планниками настолько, что рыбу выкидывает на сушу просто потому, что ей негде плавать.

Так бывает во время хола кеты, когда после 4-летнего странствования по

¹ Китайское кушанье. Рис с пряностями.

Шаман и его сын

океану она возвращается в устье родной реки, откуда ушла мальками, выплывшись из икры.

Самые лучшие рыбаки на Амуре — голды. Всем Хабаровску известен один из них — Найхун. Однажды он гнался за кетой от самого Ангой¹ по пятам, пока не нагнал ее в Хабаровске. Теперь он стар и не способен на такие вещи. Тяжелая драга для трепангов иногда дрожит у него в руках.

Зато Найхун знает свою реку, начиная со дна и до зеркальной поверхности ее течения. Когда поспевают арбузы и перепревают на его бахче, он бросает их в Амур, чтобы они стали холодными. Правда, за ними приходится нырять потом на глубину 5—6 метров. Но Найхун достиг есть холодные арбузы и не боится достать ногами дна.

Он рассказал мне, что когда-то голды, не зная еще привычек кеты, открыли их как-раз при помощи арбуза. Брошенный в воду, он никак не хотел порваться и, хотя его кидали с большой высоты и привязывали к камню, он выпрыгивал из воды, как проголодавшийся тюлень.

С тех пор стало известно голдым о том, что в природе существует великий приход кеты. Это она шла такой сплошной лавой, что вода сделалась непроницаемой даже для арбузов.

Теперь кета встречается голдыми торжественно из года в год, и ее приход — великий праздник. В такие дни ее можно ловить голдыми руками, если рыбаками не хилят сетей.

Но кета путешествует не каждый день. Когда река пустеет, тогда-то и проявляются рыбацкие способности Найхуна. Ловля рыбы для него тяжелый труд и единственный смысл в жизни.

Рыба для него не только продукт питания, — она его свет, потому что светильники голдов горят на рыбьем жире; из ее шкурок, кроме того, голды делают одежду.

Совсем недавно голды узнали, что существуют рыболовные крючки; раньше они охотились острыми крючкообразными костями, насадив на них кусок кротового миса — лакомую приманку для рыб. Особенно любит ее горбуша, рыба с тяжелым горбом на хребте, отчего ей трудно добывать себе пищу.

Сети Найхун плетет с удивительной быстротой.

¹ Река Ангой или Дондон. Впадает в Амур в 100 верстах ниже Хабаровска.

— Рыба у нас тяжелей и большая, — говорит он, — успевая только напасть сетей.

Семья голдов за обработкой звериных шкур

И они выходят из его рук быстрее, чем паук «Тако» плетет свою паутину. Стежка за стежкой, узелок за узелком вырастает в его руках сеть — символ владычества голдов над Амуром.

Старый рыбак — голдь Найхун

Привычки дракона Уде-Ну.

Внука старого голда-рыболова, синеватая Дерсы, совсем недавно стала хозяйкой собственного очага и жилища. Стой-

бища ее племени разбросаны по всему Амуру. Вокруг стойбищ — лес. В лесу — лисички, которых убивает ее муж Таликамба, и соболя, которые попадают в его силки.

Жилище их, по традиции, обсажено молодыми побегами аралей.

Аралия или чортово дерево отгоняет от дома злого духа — дракона Уде-Ну. Он боится ее цветов, запахом похожих на выпасающий перелет, и веток, напоминающих крабные клешни.

Уде-Ну нередко пугал голдов прежде. Но сейчас Дерсы не боится его совсем. Что ей до старого, выжившего из ума дракона, когда в их доме расцвело настоящее, недоступное его чарам счастье.

Оно пришло неожиданно, как неожиданно в лесу появлялся олень. Год назад, когда Дерсы стала женой Таликамбы, она мечтала об алюминиевой посуде и о платье, сшитом из синей даламбы.

Теперь она обладает не только этим. Однажды Таликамба запрят своих оленей в чарты и повес ее за 300 верст в город, где не бывал еще ни один голдь.

Олени мчались по ледяному насту и снег метался вверх и вниз, как цветы яблони, если на них дунет Уде-Ну.

Таликамба знал, что в городе есть кооператив, где можно выменять лисьи шкурки, белку и собольих мех. Он надеялся, что ему заплатят лучше, чем платят перекупщики, которые давали за белку по 50 коп. Дерсы тогда ничего не знала о кооперативе.

— Что это такое? — спросила она продавца, стоявшего за прилавком, указывая на сапожную шетку, жесткую, как трава пель, о которую любят тереться спинной молодцы поросата.

Но все равно она не могла понять, для чего служит эта шетка, потому что голды носят только самодельные меховые унты и никогда не выдвигали сапог.

Потом Дерсы увидела алюминиевую сковородку, ту самую, на которой она сейчас печет такие вкусные лепешки из пайзы. Но больше всего ей пришлось по сердцу замечательное платье, розовое с голубым, и шелковый темно-синий пояс.

Она не смела тогда мечтать даже, что все это будет принадлежать ей. Но Таликамба хорошо променял товар. За белизну шкурки ему заплатили по рублю, а за соболя и не сосчитать сколько. Прежде их обманывали перекупщики, а теперь они выбрались из-под их власти.

(Окончание см. на стр. 10)

Стойбище на Амуре

Очерк НИК. СЕВЕРЯКА

НА ДЕСЯТКИ тысяч верст стелется по СССР сузем¹, чернь², тайга³. В необъятных лесных просторах прячутся лесной зверь да птица. Человек только изредка, воровски, гостем налетает туда за ценной пушниной.

Лесные массивы Европейского Севера, Сибири, Дальнего Востока вместе на своей территории около десятков Европейских государств. В Ленинграде, Архангельске, Владивостоке и других наших портах сотнями грузятся океанские пароходы, идущие с нашим лесом во все стороны мира. По Волге, Каме, Сев. Двине, Днепру всю навигацию плывут беляны, барки, груженные лесными товарами; по железной дороге во всех направлениях зиму и лето бегут груженные лесом платформы.

Но используется небольшая часть леса. Наше лесное богатство гибнет в пожарах, гниет и при сильных ветрах образует буреломы, тянущиеся на сотни верст.

За последние 10 лет со скачком быстрой родилась новая отрасль промышленности. Это выработка искусственного шёлка. Заграничные гиганты-фабрики часто — из нашего сырья-лес, которое предельно перерабатывается в целлюлозу, ежегодно выдвигают около 120 млн. кг искусственного шёлка. В ней занято около миллиона рабочих. Ещё быстрого ликора — темп — ещё не знала ни одна отрасль промышленности.

Америка выработает около трети (40 млн.) мирового производства искусственного шёлка, а Германия, Англия,

- ¹ Сузем—на Севере называются дремучие леса.
² Чернь—в Алтае называются дремучие леса.
³ Тайга—в Сибири называются дремучие леса.

Италия, Франция, производят около половины (60 млн. кг), остальная часть производства падает на долю Японии, Бельгии, Голландии, Швейцарии, СССР и других стран.

Европейские трикотажные фабрики десятками миллионов метров выпускают шелковые ткани, из искусственного шелка, и главным образом полужелковые ткани в смеси с хлопком, шерстью и льном.

Многие из этих изделий за границей уже не роскошь, а предмет широкого потребления, благодаря дешевой цене, так, например, подушечковая ткань с хлопком стоит около 50 коп. метр. Большим спросом пользуются подушечковая ткань для обивки мебели, так как она легко очищается от пыли. Искусственный шелк употребляется для технических изделий: из него изготавливают сита, марлю и др. В технике взрывчатых веществ широко применяется для изготовления зажигательных шнуров искусственный шелк особым способом, делающим его легко воспламеняющимся.

О таком быстром развитии промышленности искусственного шелка с широким потреблением изделий никто не мог думать, когда 80 лет тому назад Реомюр — изобретатель градусника, первый после опытов заявил, что можно искусственным путем получить шелк.

После этого многие уже не только теоретически, но и практически добились некоторых результатов, но искусственный шелк стоил дороже естественного, был непрочен и обладал целым рядом недостатков, из которых самый большой — это легкая воспламеняемость. В Париже на бату, дамы света, шеголяя в модных в то время платьях, из искусственного шелка, стали жертвами грандиозного взрыва, произошедшего от горящего пепланинского, упавшего на платье

Только в 1905 году нашли дешевый способ производства искусственного шелка. Эти годы нужно считать моментом рождения промышленности искусственного шелка.

Когда уже за границей полным темпом развивалась индустрия искусственного шелка, в России в 1909 году была организована под Москвой, в Мытищах, первая фабрика искусственного шелка. Вторая фабрика была построена на о. Даго (теперь остров принадлежит Эстонии).

В 1917 году Мытищинская фабрика была остановлена. В ржавчине, плесени и паутине 7 лет стояла фабрика. Только в 1924 году была опять пущена в ход.

Недавно мне пришлось побывать на этой единственной фабрике, где люди на машинах творят чудеса.

Через 20 минут езды от Ярославского вокзала поезд выбро-

Листы размоченной целлюлозы отжимаются под прессом.

сил меня на платформу ст. „Мытищи“. От вокзала тянутся большие фабричные корпуса Мытищинского вагоно-трамвайного строительного завода. Через улицу — совсем маленькое, затерявшееся здание, мало похожее на фабрику.

На воротах скромная надпись:

„1-я Г. Ф. Вискоза“

В конторе, где в разных углах расставлены отделы и подотделы, в общей канцелярии какой-то апатичный «канцелярский» человек на мой вопрос — где можно увидеть технорука, — в ответ безнадёжно пробырчал:

— Запачкали!

Я не понял, не понял и рабочий, который, стоя около него, просил написать какую-то бумагу. Только через секунду он снова не то в пространство, не то к машинистке, а может быть, и к нам заговорил о туфлях или ботинках, точно не знаю, слушать до конца было некогда.

Техуроводца нашел в лаборатории. Он в руководители дал мне химичку, которая через десяток минут, доделав анализ, отправилась со мной по фабрике.

В подвале кучей навалены кипы целлюлозы. Я отрываю кусочек, верчу под носом, раздираю на маленькие волокна — обычный белый, слабый картон.

— Нет, своя, с Свердловской фабрики из-под Вологды.

Из невольного вспоминаю из детства, как с ранней весны на нашей реке плыли паромы леса. А на фабрике этот лес рубят, мельчат, варят и в конце, пройдя целый ряд химических мытарств, выходит белыми кусками картона, называемыми по-заграничному целлюлозой.

Там кончатся мытарства, а здесь только начинаются. На резальных машинах большие квадратные полосы разрезаются на мелкие кусочки. Разрезанная целлюлоза ребром укладывается в ящики, ванные, наполненные содовым раствором.

Через полтора часа разбухшие листы отжимаются, но уже целлюлозы только одна четверть, а остальное — раствор.

И вот сухие, яркие, шелковые нити в мотальном отделении, славского вокзала [поезд выбро-

Последний этап — заготовка основы для выделки шёлка

Листы закладываются в измельчитель (дифибрер). И когда я заглядывала в рабочий дифибрер, то размельченная масса, точно речная пена, билась на валах.

В другом углу помещения моя руководительница, монотонно подбирая фразы, стараясь излагать проще: измельченная масса после дифибрера в этих ящиках стоит 72 час. при 15—20°. Тут совершается химический процесс.

Идем во второе отделение, где на горизонтальных осях вращаются две больших бочки, где видна ярко-оранжевая масса; химичка говорит: созревшая масса по трубам подается в эти барреты. Туда же прибавляется сероуглерод. Баррэт вращается со скоростью нескольких оборотов в минуту. За 4 часа пребывания в баррете целлюлоза окончательно изменяет свои свойства и внешний вид, называется скантогенитом.

Руководительница, окончив официальную часть, показывая мне пальцем, говорит:

— Видите, желтый какой.

Я шупал желтоватую, похожую на жидкий желток, массу; она липла и мялась, как воск.

Попали в другое отделение, где стоял большой бак, называемый, на языке моей руководительницы, малаксер. В этом баке в течение 4% часов оранжевая масса, перегапанная из баррета, превращается путем вращающихся мешалок в клейкую сиропообразную массу, называемую вискозой. Когда я вполз по ступенькам к чану, мне хотелось зацепить ложкой и попробовать эту массу, похожую на жидкий мед. Отсюда вискоза через фильтры поступает в погреб, где выдерживается для довершения процесса несколько суток.

Когда мы подходили к следующему помещению, химичка монотонно говорила:

— Мы видели, как путем механических и химических процессов происходит процесс разрушения волокна целлюлозы и получается клейкая масса, лишенная всякой волокнистости. И теперь, во второй части, начинается процесс воспроизвод-

ства волокна, в виде шелковой нити.

Из погреба вискоза под давлением поступает в прядильное отделение, где рядами тянутся своеобразные своей конструкцией прядильные машины.

У рабочего во время производства в руках трубка, которая беспрерывно наполняется вискозой. На конце трубки надет платиновый наперсток, на котором около 20 мелких едва заметных отверстий. Жидкость выдавливается из отверстий и проходит через ванну, наполненную химическим раствором, моментально затвердевает, образуя шелковую нить. После этого начинаются дополнительные мытарства отделки шелка.

Его моют под душем, и на специальных вагонетках завозят в сушилку где при 60° град. просушивают. Это делается для того, чтобы удалить различные, уже несущие химические частицы. Потом белят и снова сушат, и высушенный белеющий, а частью окрашенный переносит в трикотажную. Там жужжат машины, называемые целые горы из цветистых эмеевских шелковых лент. Из лент делаются галстуки, шарфы, кофточки и др. изделия.

Я шупаю мягкие эластичные шелковые ленты и мне плохо верится, что все это из леса, который миллиоными десятинами гниет в наших необъятных просторах.

В поездке, когда около окон медвкали дачные поселки и парки, я все думал об «алхимии» нашего века, творящей чудеса при помощи науки и техники.

Мне страстно захотелось поделиться с кем-нибудь моими думками. Против меня сидел парень. Я взял его за борт подкажа, спросил:

— Из чего сделан?

Он удивленно посмотрел на меня и ответил:

— Из шерсти.

— А это из чего? — я показал на рубашку.

Был ответ:

— Из хлопка.

— А это?

Я ткнул пальцем на галстук.

— Из шелка.

— А шелк из чего?

Работнице с мотками еще мокрых, только что получившихся из липкой массы вискозы, шелковых ниток.

— Из червя.

— Нет. — Я отрицательно замотал головой. — Это искусственный шелк, приготовленный из дерева.

В доказательство я вынул из кармана спутанный разноцветный моток шелка, кусочек картона (целлюлозы), спичку и начал с этими экспонатами объяснять, как из деревянного чурбана делается шелк.

После объяснения за двадцать минут успел развить грандиозные проекты новых химических текстильных фабрик, которые должны быть построены в северных сузах, в тайных Урманях Сибири и Дальнего Востока...

Процесс шелка из переносе вокала, я негодующе тыкал пальцем на проходившую даму в шелковом «одеянии» и с жаром говорил парню:

— Да ты видишь, что мы еще не носим шелк, он дорог, но скоро будет дешевле ситла, который тоже в первое время был настолько дорог, что его могла носить одна английская королева. Вот другое дело, когда в 1929 г. в Ленинграде заработала фабрика искусственного шелка с производ. 700—800 тыс. кило. Прогресс техники и науки делают из дерева такой дешевой шелк, что он вытеснит сукно, разные ткани и даже ситец.

Многие не знают, что из обыкновенной ели можно получить шелковые вещи. На снимках четыре этапа такого превращения: ель—целлюлоза—готовые нитки—галстук

ПОСЛЕДНИЕ ИЗ МОГИКАН

(НАН ЖИВУТ ИНДЕЙЦЫ НАНАДЫ)

Очерн Н. М.

Вонда «Белая голова» бродячего охотничьего племени «Черной ночи» с женой и сыном в традиционном костюме

ИНДЕЙЦЫ? И вам они интересны? Да, это не низшая раса! Она способна только плясывать, воровать и вымаришиться — так вам скажет почти всякий «подрочный» американец.

Принять индейца у себя, пустить его в один ресторан с белыми, в один трамвай, в одну школу или даже церковь — это, по американским понятиям, совершенно «недопустимо». Так же, как вести туда — ну, если не свинью, то, по крайней мере, лошадь...

И было время, однако, когда одно, по крайней мере, оставалось, все-таки, справедливым: индейцы действительно вымаришались. Такие дары цивилизации, как оспа, туберкулез, сифилис и холера, когда-то введенные европейцами, пожали среди них богатую жатву. Но особенно поубавила индейцев эпидемия знаменитой «испанки», которая во время империалистической войны унесла не мало жертв и среди европейцев. Все эти болезни из многих индей-

ских племен и в самом деле оставили один воспоминания. Но тем не менее, несмотря на все это, индейцев в 1925 г. в одной Канаде насчитывалось около 105 тысяч, в то время, как в 1902 г. их было 108 тысяч. Уменьшение численности их все еще продолжалось, но зато стало медленнее, а за последние годы, она не только остановилась, но число индейцев снова стало возрастать — и при том гораздо быстрее, чем число французоз, например, в самой Франции. Вот тебе и вымариш!

Оказалось, однако, еще и другое: с каждым годом число индейцев, хозяйство которых успешно конкурирует с хозяйством «белых», растет так опустительное, что над ними приходится задуматься, уже не только друзьям индейцев, но и их врагам. Последним — в особенности, коренные жители Америки, станут на ноги? Не начнут ли они вести себя по-«китайски»?

Так или иначе, но Канадское правительство занялось теперь индейцами вплотную. Правда, весь «Департамент Индейских дел», ведающий индейцами, имеет всего 114 «агентов», рассыпанных по всей обширной области их обитания. Но и эта небольшая культурная помощь дала неожиданные плоды. Каждое агентство состоит из 1 «старшего», 1 канцеляриста, 1 миллионера, 1 агронома, 1 врача и его помощников, которые обязаны посещать индейские поселки и давать советы индейцам по разным делам домашнего хозяйства.

Земли, населенные индейцами, находятся в их общем владении и им предоставлено право сдавать эти общественные земли в аренду, а леса — в рубку. При этом доходы от сдачи поступают в общую кассу племени, из которой и происходит расходование на общие нужды. Но индейцы, занимающиеся земледелием, могут, впрочем, и выделиться и закрепить свой участок, при чем им выдается и причитающаяся на их долю сумма из общей кассы. И вот, когда по закону 1925 года было введено обязательное обучение детей от 7 до 15 лет, то в эти школы, среди которых есть и профессиональные, в настоящее время поступило уже около 15 тысяч детей, а 125 молодых индейцев

учатся уже в университетах! А на свои школьные нужды сами индейцы отпускают теперь из общей кассы более 65 тысяч долларов. Титу к знанию и учебе «неспособные к культуре» индейцы, как видно, обнаруживают совершенно неожиданный интерес.

Но вот что еще очень любопытно. На землях, не пригодных для обработки, индейцы попрежнему занимаются охотой и рыбной ловлей. Но на всех пригодных землях индейцы, как оказалось, обрабатывают ее не хуже белых. И теперь в обработке у них находится уже около 105 тысяч акров. Развитию земледелия и садоводства много помогают туземные школы. У многих из них есть учебно-показательные поля и сады, где учащиеся проходят курс сельского хозяйства с большим успехом, а на сельскохозяйственных выставках и индейцами получено уже множество наград и премий. Некоторые племена объединились и для промышленного скотоводства и усваивают при этом самые усовершенствованные способы содержания и кормления скота, которые, казалось бы, были доступны только белым.

Все эти хозяйственные новшества не могли, конечно, не отразиться на быте индейцев. В прославленных хижинах из звериных шкур «выгвамах» — теперь живут только индейцы-охотники. Остальные перешли в бревенчатые избы и сохранили их не хуже, чем фермеры — белые. Деревни индейцев по благоустройству тоже не уступают деревням белых.

Так рушилась легенда — или, лучше сказать, ложь — о неспособности индейцев к культуре. Правда оказалась не в том, что индейцы — враги культуры, а в том, что эксплуататоры индейцев были врагами культуры среди индейцев. Но это совсем другое дело. А кто из индейцев в культурном отношении дружелюбен к белому будущему. Настоящее, по крайней мере, пока за индейцев. В этом все и дело.

Индейцы-земледельцы. Переход от бродячей охотничьей экономики к оседлой — сельскохозяйственной — совершенно изменил их внешность

ЛЮДИ ПРИАМУРЬЯ

(перенос со стр. 7)

Дерсы давно уже не носят платья из шкурок толстокожей думы и не метают больше о дилимбе. В кооперативе есть матери нарядные и богаче. Больше всего она любит наряжаться в цветной сатин. После золотой пайзы Дерсы обрабатывает сама своими руками. Пока Таикамба охотится, она возится с хозяйством и землей. На ее попечении, кроме того, оленя.

Недавно она почувствовала, что работать ей тяжело. Ребенку, которого она собиралась подарить Таикамбе, мешал ей набегать. Она не могла даже поднять орех, если бы он упал с полу.

Таикамба уважал обычаи стариков. За неделю до родов он велел ей уйти из дому, и Дерсы вернулась только тогда, когда ребенок уже смеялся на ее руках.

Несколько дней в одиночестве она проблема в лесах, сделав себе материнское ложе из сухих листьев антиниди. Ребенок родился крепкий, и его не испугал приближавшийся сентябрьский холодок.

Дерсы счастлива теперь вдвойне: ребенок всегда за ее спиной. Он лежит в шкуре россомахи, привязанной к материнским плечам.

Иногда Дерсы идет за водой с большим глянцаным кувшином на голове и слегка поддерживает его рукой, а дочь выглядывает из-за ее спины.

Тропинка, которая ведет к Амуру, обрившись, переполнена камнями, и невольно кажется, что мать спотыкнется, и тяжелый глянцаный кувшин разобьет голову ребенка.

С Л О Н П О М Н И Т

Рассказ ЭДИССОНА МАРШАЛЯ, перевод с англ. П. ОХРИМЕНКО. Иллюстрации В. Д.

(Продолжение)

ЭТОЙ ночью тишину джунглей вдруг нарушил особенно сильный рев диких слонов. Муттах застал на месте, старостой свои огромные уши. Это было, несомненно, призыв. Кровь бурно заколотала в его жилах.

Он вдруг поддался вперед всей тяжестью своего тела, напруги все силы. Веревки натянлись, как струны, тихо зашлепели и лопнули — совсем легко. Муттах осторожно пробрался между хижинами, и, никто, кому не приходилось видеть этого своими глазами, не поверит, как тихо может двигаться слон, когда ему это нужно.

Здесь еще не было джунглей, росли лишь отдельные деревья, между ними были разбросаны хижины на земле, сложенная мягкая трава, доходящая до самой опушки джунглей. Никто из махутов не проснулся, никто не видел, как Муттах бежал, никто не окликнул его.

Трава уступила место бамбуковой чаще, запах хижин и людей — диному, воспитательному запаху джунглей и Муттах, вытиснут во всю длину своей хобот, все еще тихо и осторожно вошел в невесомую чашу дель и вновь родился на свет.

III

Первая ночь, проведенная Муттахом в джунглях, показала ему столь чудесной, что превзошла все его мечты. Прохлада, приятная влага ложилась ему на кожу, некое лаская ее. Отовсюду до него доносились ночные звуки джунглей, от которых в его теле трепетала каждая жилка. Он слышал шум, производимый бамбуком, — тихое клик-клик стволов, качающихся от ветра и трещащих один о другой; нежный шорох многочисленных ветвей и вьющихся растений, цепляющихся друг за друга, шопот ветра в мягкой шелковистой траве. И ему было понятно, — он унаследовал это от своих предков, — каждый звук в джунглях.

Стадо, к которому он примкнул, прошло густую, темную чащу и теперь спускалось к реке, погружаясь в ее прохладные воды. Группа индийских оленей выскочила из тумана прибрежной полосы и скрылась в бамбуковой роще. Где-то издали послышалось недовольное бржжанье буйвола.

Прикосновение мягкой, прохладной воды к коже Муттах было для него нежнейшей лаской. Постояв в воде некоторое время, стадо вынырнуло, подобно морским богам, поднимающимся из пучины океана, и с хрюканьем и визгом начало подниматься на берег и затем опять направилось в джунгли.

Многочисленные запахи джунглей были особенно приятны Муттаху, и он понимал их даже лучше, чем звуки. Цветы, которые он не мог видеть, висели, подобно колоколам, на древесных ветках, изогнутых в дугу. Каждый папоротник и каждая цветущая трава имели свой особенный запах, рассказывавший ему чудесные сказки. Даже грязь, в которую он погружался всеми своими четырьмя ногами, издавала запах, заключавший в себе историю жизни в джунглях от начала мира. Когда над восточными горами взорвалось солнце, он почувствовал усталость в каждом мускуле своего молодого тела, но он был счастлив и горд, что соприкоснулся в этом. Этот день был первым из трех тысяч радостных дней, последовавших за ним.

С каждым днем Муттах возрастал в силе, пока сила эта не стала чем-то таким, чего нельзя было уже ни измерить, ни держать под контролем. Бродил ли он со стадом или один, для него теперь это было совершенно безразлично. Он уже не нуждался в защите. Если не считать двуногих зверей, приходящих в джунгли с арканами, ружьями и дикими криками, не было больше ничего такого, чего бы он боялся. Ему было уже двадцать лет и его рост до плеч равнялся одиннадцати футам. Своей тяжестью он поломал бы любые весы в Индии, если бы кто вздумал взвесить его. Он уже испытал не мало самых разнообразных приключений, но он прекрасно знал, когда ему придется сразиться с огромным, диаволам вожак за право первенства

В этом рассказе Эдиссона Маршалля, получившем первую премию имени О. Генри, изображается жизнь индийских джунглей. Герой рассказа — слон Муттах. В первой части рассказа, помещенной в № 2 нашего журнала, была описана жизнь Муттах в неволе. Эдиссон Маршалль с большой художественной силой раскрывает психологию этого удивительного и гордого животного.

в стаде. Ему уже надоело сражаться с молодыми самцами одного с ним возраста. Он всегда знал победителем. Он был во многом похож на любого двадцатилетнего юношу любой породы и любой страны — легкомы-

сленный, самонадеянный, наслаждающийся каждой минутой жизни. Он любил все звуки и запахи джунглей и мог даже терпимо относиться к страшному смеху гиен, нередко резко напугавшему мертвую тишину покрытых волнистой травой равнин.

Но Индия слишком густо населена, чтобы дикий слон мог совершенно избежать человеческого глаза. Не мало туземцев видели Муттах издали, и, наконец, слухи дошли до небольшого лагеря слоноводов, который был разбит среди отдаленных холмов.

IV

В один прекрасный день на Муттах напал носорог без всякой причины и без малейшего предупреждения. Это обычный ритм у носорога. Он самое азое существо в джунглях и не задумывается напасть на гору, если она почему-либо не понравится ему. Муттах, повидимому, нарушил его сон, и тот двинулся на него, как какой-нибудь стальной танк.

Слон храбро встретил его в открытом бою, направив на него свои огромные клыки, и борьба окончилась быстро. Клык Муттах, на который нажимала огромная туша в пять тонн, мог бы пробить борт парохода, и носорог пустился бежать, сердито рыча, прихрамывая и думая об отмщении. Но после этого он целый год осторожно оглядывался вокруг своими тусклыми, пьяными глазами и выбирал для нападения что-нибудь поменьше.

Из месяца в месяц Муттах уже смело бродил один по слоновьим тропинкам и время от времени пробовал свою силу, вырывая деревья с корнем. Иногда он пробирался в джунглях совершенно тихо, иногда же он шел, как настоящий снежный баран. Он плавал один в глубоких реках и озерах и иногда, закрыв глаза, долго стоял в воде, погружившись всем телом и оставив на поверхности воды лишь кончик хобота. Однажды ему пришлось ступить на колени на спину крокодила, попытавшегося откусить ему ногу. Он глубоко втоптал длинное тело крокодила в тонок дно, и ни одно живое существо, кроме разве раков, роющих в грязи, никогда больше не видело речного бога.

Он любил дожди и ливни, омывающие джунгли, внезапное появление солнца на востоке, чудесные, напряженные безмолвные ночи. В полночь он любил посылать салют своему стаду, пасущемуся на отдаленном холме, и прислушиваться к слабому, едва слышному отклику. В двадцать пять лет он достиг зрелости, и во всей Британской Индии нельзя было сыскать лучшего образца слона. И только теперь он начал вполне постигать свою силу.

Он, конечно, уже многие годы знал свое господство над неодушевленными предметами. Он знал, как легко можно вырвать дерево с корнем или же отхватить толстую ветвь от него. Он знал, что в большинстве случаев ему нечего бояться тигра, хотя борьба с тигром опасна и ее следует избегать. Но он еще не знал, что он накопил в себе достаточно сил и ловкости, чтобы воспользоваться ими в борьбе с одним из самых сильных представителей своей породы. Он сделал это открытие в один солнечный день на реке Мангире.

Он принимал грязевую ванну, похрюкивая и выражая свое удовольствие. Это был небольшой клочок грязи, достаточный лишь для одного слона. Огромный дерзкий самец отделился от стада и вышел из джунглей, чтобы принять грязевую ванну в том же месте. Он видел, что Муттах еще молод, но не мог учесть его роста и сил, так как тот стоял, погруженный в болото.

Это был старый ветеран с желтыми клыками, покрытый морщинами и многочисленными шрамами, полученными в славных боях. Его маленькие красные глазки горели злобой.

...схватка становилась все горячее и унылее...

Загонщики, подбегая к слонам, осыпали их горящими головнями...

и он сердито выкрикивал самые оскорбительные звуки по адресу молокососа, беспечно валившегося в грязь. Он был вполне уверен, что Муцтах сразу уступит ему, ибо, как правило, молодые двадцатилетние не любят вступать в бой с опытными, украшенными шрамами шестидесятилетними ветеранами.

Муцтах же только что вошел во вкус, наслаждаясь ванной, и не имел никакого желания вылезать из нее. Вдруг что-то горячее и сильное, казалось, взорвалось у него в голове, и перед его глазами, на всем протяжении реки, вспыхнули какие-то искры, похожие на те, что можно видеть иногда при заходе солнца. Он дико визгнул, быстро вылез на берег и бросился на своего противника.

Из всех проявлений силы в животном мире самым страшным надо признать бой слонов. Это подобно тому, как если бы две горы сошли со своих мест и вступили в битву. Бой слонов ужасен не только для глаза, но и для слуха.

В джунглях было совсем тихо до вступления в схватку двух противников. Река беззвучно катила свои воды, ветер совершенно замер, над чащей царил полуденная тишина. Обитатели джунглей спали. Громова буря не могла бы развиться так внезапно, не могла бы создать большего ада, но джунгли, казалось, вдруг задрожали от грохота и рева.

Слоны визжали, ревели, трубили, фыркали и снова наносили друг другу удары. Их клыки стучали подобно гигантским шарам бильярда. Бамбук ломался и трещал у них под ногами.

Но борьба продолжалась недолго. Она, в конце концов, оказалась такой легкой. Старый буй быстрой сообразил, что он сделал опасную и весьма неприятную ошибку. Ему не удалось нанести ни одного удара. И его гнев сменился крайним изумлением, когда Муцтах ударил его в третий раз. Старый буй не стал ждать четвертого. Он бросился в чашу и Муцтах, протрубив победу, опять вернулся к своей ванне.

Но он уже не полез в нее. Он вдруг вспомнил о своем стаде и о тех боях, которые ему приходилось иметь со своими ровесниками. Он внезапно понял, что по силе, жесткости и умению драться ему нет равного в джунглях. Какой вожак может устоять против него? Какие клыки, ударившись об его клыки, могут остаться несломанными?

Ночной костер небольшой группы слонововодов тихо мерцал на опушке густого леса. Слонововоды были молчаливые и мрачные люди: большую часть своей жизни они провели на слововых тропинках, закатанные в охоту, со шрамами на теле. Они покуривали свои чыгарки и ждали, когда заговорит Ахмет Дин.

— Все слышали, что и сказал? — спросил он, наконец. В ответ все кивнули головой, кроме одного, наиболее презираемого ими старого Лангура Дасса, сидевшего в тени, вдали от костра. Его длинные волосы давно покрылись сединами.

— Кусру так и не удалось поймать Белокожего, но он избежал смерти и теперь рассказывает разные небывальши... Скоро вы его увидите здесь.

Можно было заметить, что Лангур Дасс сразу постарелся.

— Ты это о том белом слоне, о котором жители Манипура болтают так много разного вздора? — спросил он. — Неужели вы, опытные слонововоды, верите, что такой слон действительно все еще живет в джунглях?

Ахмет Дин нахмурился. — Жители Манипура болтают о нем много вздора, это верно, — сказал он, — но иногда говорят и правду. Это величайший слон, богатейшая добыча. Многие, несомненно, видели его. Я тоже присоединяю мое слово к их словам...

Ахмет Дин на минуту занулся. Быть может, с его стороны, было ошибкой возгореться об этом необыкновенном слоне в присутствии этого презренного человека? Но какой вред может быть им от этого бродяги? Всем ведь известно, что он не совсем в своем уме.

Лицо Лангура Дасса вис-

запно просветлело.

— В таком случае, этот слон не иначе, как Муцтах, бежавший из загона саба Дугана пятнадцать лет тому назад. Тот тоже был белошерстным. И он был велик ростом, до локтей.

Один из слонововодов при этих словах вскочил на ноги.

— Теперь понятно, почему он пожедал Кусру, — вскричал

он. — Он помнит людей.

Все молча кивнули головами.

Разговор шел о почти небывалом в джунглях случае с слонововодом Кусру, который незадолго перед тем пробовал выследить Белокожего и заарканить его. Обыкновенно, если слонововода постигает неудача при попытке поймать слона с помощью волчьего аркана, ему почти никогда не удается уйти живым.

— Да, слон никогда не забывает, — подтвердил Ахмет Дин. А ты не вмешивайся в разговор, когда я говорю, — добавил он, обращаясь к Лангуру Дассу.

Лангур замолчал, но его мысли перенеслись назад лет на двадцать, к загону на отдаленных холмах, в котором содержались слоны. Муцтах был единственным живым существом, любимым Лангуром Дассом. Старый парий закрыл глаза, все его тело как-то сжалось, оспыло, и он, казалось, потерял всякий интерес к разговору. Но на этот раз он сделал это нарочно. Он решил не проронить ни одного слова из того, что говорил в кругу.

— Кусру, как вам известно, уверяет, — продолжал Ахмет Дин, — что слон показавшийся, когда он уже находился у него под ногами. Но это, конечно, вздор, и нас это не интересует. Ха-и! Он был так напуган, что, того и глядя, станет уверять, что в тот день солнце зашло в полдень. Но он говорит, что ему известно, где в настоящее время находится место. Всего сутки ходьбы по ту сторону реки. И мы, конечно, не должны терять времени.

Его товарищи кивком головы выразили свое одобрение.

— Итак, завтра мы покидаем лагерь. На этот раз мы не должны допустить ошибки. Мы должны подготовиться как следует. Это будет стоить нам больших денег, но мы будем вознаграждены сторицею. Кусру говорит, что Белокожий опять ушел к своему стаду, и мы можем загнать его вместе с его стадом в один кедак. Мы найдем лучших загонщиков. Завтра же садимся на своих слонов и отправляемся в путь.

Лангур Дасс как бы очнулся от забытья:

— Я не видел хлеба уже много дней. Я голоден. Если вы устраниваете облаву, то вы, быть может, могли бы дать место загонщикам нашему сауге?

Сидевшие в кругу, повернув головы, удивленно посмотрели на него. Всем было известно, что Лангур Дасс никогда не принимал участия в охоте на слонов. Наверно, на этот раз голод заставил его нарушить свое правило. — Я дам тебе место загонщика, если ты будешь держать язык за зубами, — сказал Ахмет Дин. — Потому что на этих холмах есть и другие партии охотников.

Лангур кивнул головой. Он действительно умел держать язык за зубами. Это один из первых уроков, который постигается в джунглях.

Целый час еще сидели слонововоды, подробно разрабатывая свой план. Затем они улеглись вокруг костра, и постепенно все спало на них. Не спали только Лангур Дасс и Ахмет Дин. Они сожмули их охи. Не спали только Лангур Дасс и Ахмет Дин.

— Ты будешь являть еще смотреть за костром, — сказал Ахмет Дин. — Не забудь, что на этих самых холмах еще не так давно погиб чыгар в котлах тигра.

Лангур Дасс остался один со своими мыслями. Потом, видя, что все спит, он астал и тихо сожмули в окружающей его бархатистый мрак. Над холмами как всегда висели туманы.

— Неужели все эти годы я прислушивался к чудесным рассказам о тебе только ради, чтобы подготовиться для тебя такой клятвы? — произнес он вслух. — Нет, свиньи со свиньями сердцами должны потерять неудачу. О, мой Мухтах! Драгоценнейший жемчуг среди слонов, неужели я оставлю тебя в минуту опасности? Неужели мне придется быть свидетелем, как эти подлые свиньи наложат цепи на тебя в самом расцвете твоих сил?

VI

Ночь только что спустилась над джунглями, тяжелая и влажная, когда Мухтах отыскал свое стадо. Оно паслось на открытой, поросшей травой поляне, окруженной холмами. Все молча поджидало его, когда он бегом спустился к холмам. Они услышали его бег еще издали. Он и не старался идти тихо.

Старый, семидесятилетний вожак стада, гордившийся своей мудростью и силой, не один раз раненый в боях, с крепкими желтыми клыками, не знавший равного себе в джунглях, заведя бегущего Мухтах, высоко поднял свой хобот, затем изогнул его в дугу. Он прекрасно знал, что должно было произойти. И так как никто не знает лучше обитателей джунглей, как важно в бою первому повести наступление, и так как это соответствовало его достоинству и положению, то он первый бросил вызов.

Войдирасла необыкновенная тишина, словно свалившаяся с неба. Маленькие розовые слонята, никогда еще не наблюдавшие такой тишины в стаде, почуяли наступающую неприятную для них бурю и поспешили укрыться под брюхом своих матерей.

В жизни стада слонов наступает новая эпоха, когда молодой самец вступает в борьбу с вожаком за первенство. Это куда более серьезная вещь, чем подобное же состязание в стаде оленей или буйволов. Последние живут какую-нибудь горсточку лет, затем становятся слабыми и умирают. Между тем как слон, накопивший достаточно сил и опыта, чтобы стать вожаком стада, нередко занимает этот пост в течение нескольких десятков лет. Ибо, как всем известно, слон не считается старым, пока ему не исполнится сто лет. Тогда он еще будет тянуть пять-шесть десятков лет, весь седой, морщинистый и мудрый, храня в своем мозгу воспоминания о тех временах, о которых не знает никто из людей.

Слоны стояли подобно каменным изваяниям, пока Мухтах не ответил на брошенный вызов. Он был настолько изумлен, что сначала не мог издать ни звука. Он первый собрался бросить вызов. Но то, что вожаке предупредил его, до некоторой степени поколебало его веру в свои силы. Очевидно, старый вожак все еще чувствовал себя способным дать отпор любому зазнавшемуся дерзкому молодому самцу, желающему занять его место.

Но вот стадо беспокойно зашевелилось. Самки отступили назад со своими детенышами, самцы бросились вперед и обозначили круг, мало чем отличающийся от кругов, которые делают люди вокруг кулачных бойцов. Медленно и торжественно, с необыкновенным спокойствием и величием Мухтах вступил в круг. Его клыки блеснули. Глаза горели. Старые самцы, стоявшие вокруг, никогда еще не видели такого бойца.

Они мерили его взглядом от хвоста до хобота. Они видели правильные формы его тела, ноги, подобные толстым колоннам, покатым спине, широко поставленным разумным глазам. Его плечи указывали на большую силу, способную сломать дерево у самого корня, а между тем он был подвижен и ловок, как тигр. И, видя все эти качества, преклонившись перед ним, они, поклонники силы, заборонили свои хоботы вверх, пока не коснулись кончиками их своих лбов, и полным голосом протрубили ему свой салют.

Это был настоящий взрыв дикого рева, ужасный, громовой звук, разбивший ночную тишину джунглей и подымавший от сна все живое. С деревьев на землю падал роса. Огромный сильный тигр, подкрадывавшийся к стаду, чтобы утащить маленького слоненка, тихо скользя обратно в чащу.

Этот салют поразила не только обитателей джунглей. В лагере слоноводов в трех милях от поляны, Ахмед Дин, проснувшись вместе со своими товарищами, удаленно оглядывался вокруг.

А тем временем грозный старый вожак, тяжелой поступью входил в круг, будто не замечая устремленных на него глаз, не замечая окружающего.

Опять прозвучал салют, зарожетав в джунглях, как громовой удар. Противники сошлись.

По мере того, как схватка становилась все горячее и ужаснее, слоны начали хрюкать и визжать, покачиваясь взад и вперед всем корпусом, тяжело топая ногами и давая ими трясину и мушкет.

Противники, повидимому, были равны по силе. Старый вожак умел лучше драться, лучше зная приемы борьбы и хитрые увертки, но ему нехватало силы и ловкости Мухтах.

Время близилось к полуночи, на небе над восточными холмами высипались полнолуние звезды. Мухтах, сделав изловкий поворот, упал на колени. Но с быстротой тигра он вскочил на ноги и этим избежал ужасного удара клыков, направленных ему прямо в плечо. Ответным ударом он бросил на колени своего противника и ринулся вперед, чтобы нанести ему другой сокрушительный удар. Но старый вожак прибежал к хитрости. Когда Мухтах бросился на него, он вдруг, нагнув голову до самой земли, нырнул ему промеж ног и чуть не опрокинул его на спину. Только необыкновенная сила Мухтах спасла его от внезапного поражения.

Но когда ночь начала уступать место утру, самцы, следившие за боями, поняли, а чью сторону клонится победа. Молодой начал побеждать. Удары старого становились все слабее и слабее. Он еще мог отвечать ударом на удар, но он уже не в состоянии был использовать каждый удобный момент.

Мухтах, видя это, прибежал к уловке, установившей за ним среди слонов репутацию ловкача и умищца: сделав вид, что его правое плечо открыто для удара, старый вожак не заметил ловушки. Он вдруг бросился вперед и налетел на клык Мухтах, который только одно мгновение подставил ему.

Все это произошло на его глазах, что слоны не имели даже возможности проследить, как это случилось. Они только увидели вдруг, что старый вожак лежит на земле, а Мухтах победоносно стоит над ним и наносит ему удары своим клыком. Бой был окончен.

Старый вожак, серьезно раненый, поспешил бежать в чащу. Он опустил свой хобот в знак поражения. В кругу остался лишь один Мухтах, белая кожа которого теперь уже не была белой, и, стоя на одном месте с налитыми кровью глазами, он трубил свою победу, поднимая хобот высоко к звездам. Новый салют, троекратно прогрессив в мертвой тишине джунглей — сердечный привет стаду новому вожаку. Мухтах вступил в свои права.

VII

Когда же, наконец, закончен постройкой. Он представлял собой громадный крепкий загон, имевший огромные крылья по бокам, протянувшиеся на сто ярдов, и огромные ворота, которые поднимались вверх и в нужный момент падали вниз, подобно опускаемой решетке. Стадо слонов было окружено загонщиками и уже в течение нескольких дней медленно подготавливалось к раскрытию пасти кеддаха. Загонщики были вооружены винтовками, из которых они стреляли холостыми патронами, и стальными факелами, которые можно было зажечь в любую минуту. По сигналу они должны были тесным кольцом окружить стадо и загнать его в раскрытую пасть ловушки. Мухтах, владыка джунглей, свободному как ветер, опять готовился к цели.

— Нужно выбрать самых храбрых людей и поставить их по бокам крыльев кеддаха, — сказал Ахмед Дин. И он был прав. Человек, стоящий по бокам крыльев или у широко раскрытых ворот кеддаха, безусловно, занимает самое опасное место. Стадо, обуреваемое от страха, лишь немногим меньше боится раскрытых ворот загона, чем вооруженных винтовками и горящими факелами загонщиков, окружающих стадо. Скорее оно попытается прорваться сквозь тесное кольцо загонщиков, чем ринуться в открытую пасть кеддаха.

За две недели дополнительно я стану у одного из крыльев, — сказал старый Лангур Ласс. Ахмед Дин смерил его взглядом — его суровые, бесстрашные глаза и решительное лицо. Он напрасно пытался проверить по этим глазам его сокровенные мысли.

Длинноногий седой старик... стоит перед ним с протянутыми вперед руками

— Ты с ума сошел, Лангур Дасс! — сказала он, изумленный смелостью. — Но, так и быть. Ты являешь позды загонщиков у правого крыла и будешь предавать им факелы. Я сказал.

— А как на счет дополнительных рупий? — хитро спросил Лангур.

— Тогда посмотрим...

Через час был подан сигнал — «смайл-майл»¹, и началась последняя агона стада.

Холмы наполнились бесчисленными криками, хлопанием бичей, выстрелами из холостых патронов, яркими отблесками факелов. Загонщики, подбегая к слонам, высыпали их горящими головнями и затем отбегали назад. Сначала стадо двигалось медленно. Много раз оно сходило со своей тропинки и бросалось в долину или в высохшее русло реки, но каждый раз загонщики прергали ему путь.

Мухта уже потерял власть над своим стадом. Но главе стада теперь бежал старый вождь, которого он недавно победил в бою. В минуту страха и опасности все опять обратилось к нему. Загонщики с горящими факелами подходили все ближе и ближе, они сузили кольцо, не оставалось никакого выхода. Впереди зияла лишь широко раскрытая пасть загона.

— Неужели мне не удастся мой план? — шептал маленький седой старик, сидя за воротами кеддаха. — Неужели мне не удастся спасти тебя, могучий Мухта, мой любимый? Неужели ты опять попадаешь в цепь? Ах! Я слышу уже топ твоих ног. Приближается последняя минута. Но есть еще надежда, Мухта!

Стадо уже находилось у самых крыльев загона. Оно на секунду задержалось, топчась на месте, и загонщики разразились новым взрывом криков. Во всем стаде только один слон Мухта, понимал всю опасность. Он вышел из передних рядов и был теперь в конце. Он топтался на месте, высоко поднимая хобот, стоя передом к приближающимся загонщикам.

Но в это мгновение навстречу ему из-за угла крыла бросилась какая-то темная фигура. Голос, который он знал когда-то, обратился к нему, голос, звучавший отчетливо и ясно среди шумных криков загонщиков.

— Мухта! Мухта!

Но не слова заставили Мухта повернуть обратно. Слон не понимал слов, за исключением некоторых простых звуков которые может понять и лошадь и собака. Он узнал человека по запаху, оставшемуся в его памяти даже по прошествии многих лет, и по звуку его голоса, которого он не мог забыть. Ибо слон никогда не забывает.

— Мухта! Мухта!

Слон уже узнал его. Он припомнил своего единственного друга среди множества человеческих существ, которых он знал в детстве; единственного человека, который любил его, и которому он платил любовью.

— Поблизости голоней сюда! — кричали загонщики, занимавшие угол у самого крыла. — Голоней! Где Лангур Дасс?

Но вместо того, чтобы подавать голоней, которые должны были усилить панику среди животных, Лангур Дасс выскочил из-за дерева и начал наносить удары по головам загонщиков бамбуковой палкой, которая висела, треща и вызвала среди них панику, заставив их броситься в распутию.

А Лангур Дасс продолжал звать к своему другу, не умолкая ни на секунду.

— Мухта! О, мой Мухта! Вот выход! Беги сюда, Мухта!

И Мухта понял. Вспомнил поднимая хобот, он громко затрубил и бросился в образовавшийся прорыв в кольце; вслед за ним бежал Лангур Дасс, спасаясь от неизбежной распытки за свой поступок. А по пятам у него бежал Ахмет Дан с ножом в руке, решивший расстаться с богатой добычей не иначе, как ценою жизни презренного пария.

Но его ногу не пришлось коснуться тела Лангура Дасса.

Одно мгновение слон и человек стояли друг против друга. Налево от них ворота кеддаха тяжело опустились с высоты на землю, отрезав путь отступлению стаду, очутившемуся в ловушке. Слон стоял со слегка поднятым хоботом совершенно неподвижно. Длинноволосый седой старик, спасший его от рабства, стоял перед ним с протянутыми вперед руками.

Не оставь меня, — умолял старик, — твоё стадо в неволе.

Слон, казалось, понимал, о чем молил старик. Не один раз когда-то живя в неволе, поднимал он его на плечи своим могучим хоботом. И любовь к Лангуру Дассу до сих пор не заглохла в его сердце. Она вдруг вспыхнула в нем с прежней силой, ибо слон никогда не забывает.

И Мухта одним взмахом своего хобота, легким, как воздуш, подхватил его и бросил к себе на плечи.

Джугали — огромные, безмолвные, таинственные — закрили за ними свои ворота.

¹ Наступай, наступай.

Отец

Рассказ АНТОНА ЛЕПОВА

Рассказ Антона Лепова «Отец» ставит один из наиболее важных вопросов: была ли наша молодежь. Еще не изжито у молодежи «наплевательское» отношение к своей жизни, многие еще называют проявление у товарища естественных отношений чуждым к своему ребенку «мещанством». С подобным настроением надо бороться. Редакция приглашает читателей высказаться по поводу поставленной в рассказе «Отец» проблемы.

УТИШКИ Бабкина родился дочь.

Мы, приятели Тихона Бабкина, восприняли рождение бабкинской дочки с глубокой скорбью. Убитые горем, сидели мы у Вани Поперечного и вспоминали все былые достоинства товарища Бабкина.

Илья Дубяк задумчиво повертел на указательном пальце кепку, потянул головой, вздохнул и сказал:

— Был Бабкин — нет Бабкина...

Ваня Поперечный утробно подтвердил:

— Погиб человек. Пойдет теперь — уют, домашний очаг, жена, дети, сам скотина...

Кто-то мрачно добавил:

— Как говорить, детишкам надо на молочный...

Кто-то застонал. Кто-то успокаивающее произнес:

— Все там будем...

Наша гордость — голкипер Миша, большой любитель Гоголя, поднял свои голубые глаза к потолку, горько усмехнулся и вымолвил:

— Пропал, пропал беславно!

Тут поднялся член бюро комсомольской ячейки Зиновий и произнес небольшое надгробное слово:

— Товарищи, — сказал он, — неумолимая жизнь вырвала из наших рядов еще одну жертву. Я подразумеваю Тихона Бабкина. Кто не знал Тихона Бабкина? Все знали Тихона Бабкина. Кто лучше его мог плясать цыганочку и играть на мандолине? Кто был лучшим товарищем и чаще всех ходил в кино? Кто, как не он, не пропустил ни одного собрания ячейки, если не считал состоявшихся? И вот какая-то нелепая случайность, какой-то комочек мяса женского пола... и его нет среди нас (Зиновий вытер слезу), но былой дух его витает над нами. Пусть же домашние перины будут ему пухом и прахом! Спи, дорогой товарищ, почем зря! Спи, чего там!

— Вечную память! — сказал кто-то.

Мы заткнули. Во время пения дверь отворилась и в комнату влетел Бабкин. Он с жаром присоединился к хору, и когда мы кончили петь, он спросил:

— Позвольте спросить, кого отпевали?

Зиновий посмотрел на Бабкина чужими глазами и сказал:

— Бабкин, такими вещами не шутят. Зачем ты явился нарушать наш покой?

Бабкин поднял плечи:

— Ни черта не понимаю. Вы что — разыгрываете меня?

Илья Дубяк посмотрел на портрет Калинин, висевший на стене и спросил:

— Бабкин, скажи правду, разве она пустила тебя?

— Кто «она»? — изумился Бабкин.

— Она... эх твою судьбу!

— Какая судьба?

— Дочь! — выдавили мы хором.

Бабкин сделал круглые глаза:

— Какая дочь? А-а! Ребята, что вы? Стоит ли обращать внимание на такие пустяки. Действительно, есть там какая-то дочь, ну да пес с ней! Я вам лучше новый анекдот расскажу...

Миша грозно произнес:

— Но ведь ты — отец!

Бабкин рассмеялся.

— Ну так что ж?.. Впрочем, какой я отец! Да ерунда это, ребята... Так вот, значит, анекдот...

— Но отцовские чувства? — вскричал Ваня Поперечный.

Бабкин захохотал:

— Ой, не могу! Отцовские чувства! У меня отцовские чувства! Ха-ха-ха! Так вот, значит, Троцкий спрашивает у Зиновьева...

Мы радостно приветствовали возвращение в нашу товарищескую жизнь Тихона Бабкина.

Однажды я зашел к Бабкину домой. Бабкин не слышал, как я отворил дверь. Он был занят тем, что стоял у детской кровати и произносил какие-то заклинания. Я прислушался:

— У-гу-гу! — говорил Бабкин.

— А-га-га! Тюр-люр-лю...

Ах, ты моя петрушечка! Тет-те-те! Блям-бам-бам! Ах ты, моя дочушка! Ну чего, чего хочешь? Агу! Агушеньки! Давай-ка лапу поцелую. Мамасу захотела? Лягушеньки ты этакий! Це-це-це! Э-э, да ты, брат, опять Волга-Дон запустила? Давай-ка, брат, переменяй...

Бабкин потянулся за пеленкой. Я кашлянул и захлопнул за собой дверь:

— Здорово, Тиша! А я тебе. Думаю, зайду. А ты, брат, с пеленками возишься?

Бабкин смутился и ответил:

— Да вот, приходится. Наташка, дура, ушла и подбросила эту стервозинку. Возись вот!

Я презрительно усмехнулся:

— Да стоит ли с ней возиться?

— Да вы, брат, с ней время терять не стал...

Бабкин подтвердил...

— Это верно, возиться с ней не стоит. Да я и не вожусь. Я на нее и внимания не обращаю. Орет она себе, — ну и пускай, дрянь этакая. Чорт с ней!

Бабкин подумал и сказал:

— Действительно, как мне от этой пакости избавиться бы? Взять разве ее за ногу, да двинуть об стенку головой...

Я одобрил:

— А ведь это идея, Тишка! А то можно еще ее на веревочку привязать и за форточку вывесить. Пускай закаляется. Мороз небольшой, градусов пятнадцать только...

Бабкин ухватился за идею:

— Великолпно, так и сделаем сейчас, только надо нам найти веревку. Чорт подери, была где-то здесь веревочка...

Молодой отец стал усердно искать веревку. Но веревки нигде не было.

— Эх, незадача! — вздохнул Бабкин, остановившись посреди комнаты. — Понимаешь, нет веревки...

Я успокоил его:

— Не отчаивайся. Тащи сюда ведро холодной воды. Мы ее окатим водой, а потом откроем форточку. Я ручаюсь, что она успокоится.

— Идет, — ответил Бабкин и вдруг замялся с ведром, в руках, — только я вот что думаю, Наташка придет, увидит, что здесь налито, начнет ругаться. Разве ей втолкуешь?

Бабкин растерянно на меня посмотрел. Я сказал:

— Тогда придется принять первое предложение.

— Какое? — забеспокоился Бабкин.

— Взять ее за ногу и об стенку! — решительно сказал я. — Больше ничего не остается.

— Знаешь, что, — сказал Бабкин, — я думаю не подожждать ли нам Наташу? А то ведь она, пожалуй, недовольна будет, что мы такой вопрос без нее разрешили.

— Как знаешь, — сказал я, — твое дело — отцовское. Только я бы с этакой малышкой не церемонился бы.

— Да я бы и сам, — печально произнес Бабкин. — Но все-таки давай Наташку лучше подождем.

Я стал шагать по комнате и затем вдруг подошел к кровати:

— Гм! Вот она какая, твоя дочь! А ведь знаешь, Тишка, она — забавная. Ишь ты, пузыри пускает...

Бабкин довольно отозвался:

— Ничего, с ней это бывает.

Я пощелкал пальцами над ребенком. Девочка пустила новую партию пузырей и замалахала в воздухе конечностями.

— Тишка, в ведь она мне, ей богу, нравится. Остроумная девочка!

Бабкин радостно рассмеялся:

— Она, брат, у меня еще и не то может. Ты посмотри, как она сознательно смотрит.

— Слушай, Тишка! Знаешь что? Она на тебя похожа. На лице Бабкина расплылось сияние!

— Говорят, похожа. Пожалуй, действительно, кое что общее у нас есть. Ну-ка, дочка, давай-ка ладошки хлопать. Ну вот: ладки-ладошки — бегали по дорожке. Ах ты моя загогулинка! Потомство ты все любезное! Та-та-га! Да ты опять Гольфштрим пустила...

В это время дверь отворилась и вошла Наташа:

— Здравствуй, Антон, — обратилась она ко мне. — А этот чадолобивый папаша опять с дочкой возится. Понимаешь, никак не оторвешь его от Розки.

Бабкин не слышал, весь занятый дочерью.

— Ну, я пойду, — сказал я. — Прощайте. Так значит, как, Тишка, за ногу и об стенку?

Бабкин смущенно улыбнулся:

— Нет, давай уж лучше подождем.

Бабкин долго и любовно менял пеленки.

ВЕЛИКИЙ ФАНТАСТ

Очерн ИППОЛИТА И.

БИОГРАФИЯ Жюль Верна интересна гораздо менее, чем его произведения. Жюль Верн родился в Нанте, одном из больших промышленных и портовых городов Франции, 8 февраля 1828 года. Выросши, он поехал искать счастья в столицу — в Париж.

Там он сначала учился праву, мечтая стать адвокатом, затем раздумал и занялся литературным трудом. Он не брезговал ничем: писал одноактные водевили, оперетки, пьесы для театров в прозе и в стихах (одна из них, написанная вместе с известным Ал. Дюма, пользовалась некоторым успехом), просто стихи и повести, — все одинаково слабое. Рассказывают, что он до того надоед с ними издателю, что тот забыл даже вежливости: «Чорт возьми», — ответил он на робкий вопрос автора, — о чем же ему, наконец, писать? — пишете хоть о дуне и о звездах, но только отвяжитесь от меня!» «Прекрасно!» — сказала Жюль Верн, и через неделю принес издателю свой первый фантастический роман «Пять недель на воздушном», доставивший ему славу и деньги. Если это и анекдот, то хорошо придуманный.

С тех пор жизнь Ж. Верна текла ровно и без тревожений. Судя по его произведениям, можно подумать, что он много видел, много путешествовал, и по крайней мере, собственной персоной посещал те места, которые описывает. Ничего подобного! Сила фантазии, большое художественное воображение позволяло ему переносить читателя в иной мир, созданный его творчеством. Сам Ж. Верн был большим домохозяином. Изредка он совершал на своей яхте короткие путешествия, но дальше Средиземного моря. Последние тридцать лет своей жизни он прожил почти безвыездно в Амьене, местечке под Парижем, и даже Эйфелеву башню видел только на картинках. Там же он и умер 11 марта 1905 года, оставив громадное литературное наследство, около 100 томов, одно перечисление которых заняло бы несколько страниц.

Успех, притеснявший Ж. Верну его первыми — и надо сказать правду, самыми лучшими — романами не изменял ему уже до конца. Его книги выдерживали по несколько десятков изданий, многие были увенчаны французской Академией, переводились на все европейские, а также на восточные: арабский, японский и др. языки, — словом Ж. Верну не на что было жаловаться. В чем же лежал корень столь блестящего и длительного успеха?

Чтобы ответить на этот вопрос, оглянемся немного назад.

Деятельный век, «век пара и электричества» был, по существу, эпохой элек-

В феврале этого года исполняется столетие со дня рождения Жюль Верна — одного из выдающихся писателей и лучшего друга молодежи на протяжении нескольких поколений и шести десятилетий лет. В издательстве «Молодая Гвардия» вышел вторым изданием один из лучших романов Жюль Верна «Пятидесятилетний капитан». Тем же издательством выпускается другой известный роман Жюль Верна «Дети капитана Гранта».

нической революции. Изобретения и открытия следовали одно за другим. Последовательно появляются паровоз, пароход, динамомашина, двигатель внутреннего

сгорания, телеграф и телефон; совершенствуются машины (в первую очередь печатный и тактильный станки); производятся первые опыты авионавтики. Параллельно идет «открытие земли»: исследуются и «открываются» Центральная и Южная Африка, Средняя Азия, южный полюс. Весь мир охвачен духом изобретательства, исследования и открытия. Конечно, это настроение проникает и в литературу. Почти одновременно в разных странах возникает новый тип географическо-приключенческого романа. Незадолго до Жюль Верна приобретает ими подобными романами Томас Майн-Рид, советавший романтический сюжет с популярно-научными, этнографическими и естественно-историческими сведениями.

Но настоящего мастерства этот жанр достигает только у Жюль Верна. В своих романах, написанных по всем правилам французской литературы, он предвосхищает своей фантазией ход науки. Опираясь на достижения сегодняшнего дня, а с ними он добросовестно знакомится по специальной литературе, — он описывает завтрашний день нашей жизни так подробно и выразительно, как если бы он был вчерашним. В наши дни, когда ряд его предвидений стал провиденьем

эпохой, — эти произведения не поражают читателя. После немецкой «подводной войны», «Наутину» капитана Немо кажется иррегулярной; кого удивит путешествие в «80 дней вокруг света», когда еще в 1926 г. американцы Уэлс и Эванс покрыли его в 29 дней. Но шестидесять лет назад, эти романы, разумеется, заставляли о себе говорить. Надо было быть подлинно гениальным человеком, чтобы так осязательно нащупать пути, по которым пойдет техника. Может быть, надо даже пожалеть, что Ж. Верн выбрал литературную дорогу в жизни; возможно, из него бы вышел не только талантливый романист, но и гениальный инженер.

Однако, годы мало отражаются на произведениях Ж. Верна. Его романы не стареют и сейчас, попросту говоря, как полвека назад, являются любимой пищей молодежи. Чем же он берет сейчас? И можно ли его, писателя буржуазной Франции, рекомендовать комсомолу и рабочей молодежи? Мы думаем, что — да, можно. У нашего читателя, несомненно, найдется стык с его произведениями.

Во-первых, романы Ж. Верна будут сочувственным откликом в пошевой душе потому, что они раскрывают перед читателем новые страны, новые горизонты, новых людей. Ж. Верн заражает читателя своей верой в технику и внедряет в него любовь к путешествиям. Многие недолжные люди именно Ж. Верну обязаны первым толчком направившим их на этот путь, — в этом смысле, например, Свен Гедин, знаменитый путешественник. И этот бесконечный дух исследования, надо полагать, привнес в наше поколение молодежи.

Во-вторых, как романист, Ж. Верн бесконечно выше, интереснее и педагогически полезнее, чем наши Веревкины, Перелешины и т. д., которыми полны библиотеки. Жюль Верн умеет мастерски развивать основной сюжет своих романов, вливать в него побочные интриги, держащие читателя в напряжении, не переругая в то же время читательского внимания.

Наконец, герои романов Ж. Верна близки и понятны нам по духу. Эти капитаны Немо, Гранты и Гаттерасы — люди сильной воли, храбрые и настоящие, бескорыстные герои идеи и труженики науки. Во многом они сходны с героями Диска Лондона, столь горячо читаемого нашей молодежью. У обоих героев, прежде всего, образы положительные, воспитывающие юношество в том направлении, какое требует наше время, советская страна.

„СОВРЕМЕННЫЕ ДЕВУШКИ“ — КТО ОНИ И О ЧЕМ ОНИ РАЗГОВАРИВАЮТ?

(См. обложку журнала).

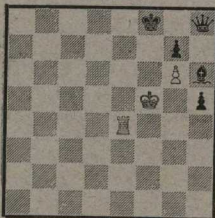
Редакция журнала «Смена» предлагает читателям самим ответить на заданный вопрос и прислать ответ в редакцию. Наиболее удачные ответы будут напечатаны и премированы книгами.

ШАХМАТЫ

Под редакцией С. М. Слонима

Этюд № 1

Л. И. Нубель

Белые начинают и делают ничью

Фамилии гг., приславших правильное решение, будут напечатаны

Задача № 7

Б. Мендель

Мат в два хода

Задача № 8

Б. Варднер

Мат в два хода

Партия № 1

Французская

Белые: М. Ботвинник. Черные: И. Павлов-Пьянов. (Играли боксмен-младший шахматист, занимавший 5 место на Всесоюзном турнире 1927 года и покупавший звание мастера. Проводилась партия—на 12 тура этого турнира характеризует молодого мастера с лучшей стороны.)

1. e2—e4	e7—e6	в полуху белых. Основное преимущество: открытая линия С и возможность проигрыша 44—45!
2. d2—d4	d7—d5	
3. Kc1—c3	Cf5—b4	
4. e4—e5	f7—f6	

Обыкновенно здесь играют e7—c5 с острой игрой. Ход в партии очень пасивен.

5. Kc1—f3	c7—c5	18. Kd1—c1	Kb6—f7
6. a2—a3	Cb4—b5	19. Kf1—d1	a7—a5
7. b2—b4	...	20. Kf5—c3	b7—b5
		21. Fd4—h3	Kg8—h8
		22. d4—d3!	...

Прекрасный ход, сразу дающий белым решающую инициативу.

8. Kc3—b5!	b4—b3	22. ...	e6—d5
9. c2—c3	Kb6—c6	23. Kf5—d5	Cb6—c6
10. Fd1—h3	Cd5—c7	24. Fd3—b4!	Fd5—c6
11. Cc1—f4	...	25. Kd5—c7	Cb8—c7
		26. Kd1—c7	Ld8—d3

Ничего не давая ход 26. Cb6—c4 и в-д 27. Kd7—c7, Fd6—c5, d5—e6 и т. д.

11. ...	f6—f5	27. Kd1—c1	Ld8—d7
12. Cc1—d3	Kg8—h8	28. Kc7—d7	Cd7—c6
13. 0—0	0—0	29. e5—e6!	Cd7—c6
14. c3—c4	Kd8—d5	30. e6—f7	Fd8—f7
15. Kf3—d4	d5—d4	31. Kd5—e5	...
16. Cb3—c4	Kb5—c4		
17. Fd2—c4	Cc7—b8		

Получившаяся позиция, конечно, неидеальна.

ШАХМАТНЫЕ НОВОСТИ

Основной целью года предполагается организации в Москве международного рабочего турнира.

В Ленинграде скоро состоится матч, решающий чемпионат Ленинграда. Как известно, такой матч состоялся в Шеняи в прошлом году, закончившись блестящей победой Ленинграда. На 1-й доске со стороны Ленинграда тогда играл Павел-Левенский, со стороны Шеняи—Нигольд.

Чемпионат Москвы начался 26 февраля. Участвуют мастера: Дуэ-Хотимирский, Зубарев, Григорьев, Непомнящий и к. а. Рабинович и сильнейшие шахматисты 1-й категории Павлов-Пьянов, Слоним, Холодкович, Ползи, Бернштейн, Греков, Майселис и др. В настоящий момент являясь чемпионом Москвы поигает мастер Н. М. Зубарев.

В Мелков, бывший в течение ряда лет чемпионом СССР по шахкам, вызвал на матч В. М. Вакуленко, завоевавший первенство в 1927 г.

О ЗАДАЧАХ И ЭТЮДАХ

Шахматные композиции, задачи и этюды относятся к области так называемой шахматной поэзии. И как любое поэтическое произведение, она обрабатывает в художественной форме отдельные идеи и мысли, направляемые их авторами из современных шахматного искусства.

Решение шахматных композиций аналогично творчеству художественных произведений. Трудная задача комбинация, заканчивающаяся четным матом или оригинальным этюдом идеи, дающая безмолвным выигрывать или ничью, казалась, в совершенно программном положении (см. этюд № 1 в этом номере) доставляет решающему чувство глубокого эстетического удовлетворения.

Однако, кроме поля художественного восприятия задачи и этюды имеют еще и учебное значение. Каждая задача включает в себе какую-либо комбинацию или, сложную, но не длинную, обычно на 2, 3 и 4 хода. Решение такой задачи, когда приходится разбирать громадное количество вариантов, дает решающему большие комбинационные навыки. В результате этого шахматист приобретает нескат комбинацию на шахматной доске и в практической партии.

Такое же учебное значение имеют и этюды композиции. Большинство этюдов имеет своим

основанием практику эндшпиля. Теория способна охватить только незначительную область эндшпиля, самую простую и поддающуюся анализу часть ее. Для остальной, сложнейшей части, единственным подспорьем, помогающим в ней разобраться, являются этюды.

Несколько слов для начинающих о технике решения задач и этюдов. Во всех случаях, если нет специальной оговорки, начинать надо. Условие, например, мат в 3 хода, означает, что уже со второго хода белые должны объявить черным мат. Решатель должен выкапывать все возможные ответы черных, т. е. обычно задача имеет много ложных следов. В этюде количество ходов, при котором белым достаются ничья (выигрывают или ничья), не ограничивается, но собственно выигрывать является кратчайший путь, ведущий к победе. Желающим подробно изучить вопросы шахматной композиции отсылаем к шахматной литературе по этому вопросу.

Литература: С. Лемма—«Современная шахматная задача».

Л. Иснер—«Шахматная задача».

В. и Н. Платов—«Сборник этюдов».

Л. И. Нубель—«150 этюдов».

КТО БУДЕТ ЧЕМПИОНОМ СССР

Ле от этого года предстоит матч между П. А. Романовским и Ф. П. Богатырчуком, двумя победителями чемпионата СССР 1927 г., закончивших турнир с одинаковым результатом +14½, из 30 партий тура по. Победитель матча и будет официальным чемпионом СССР.

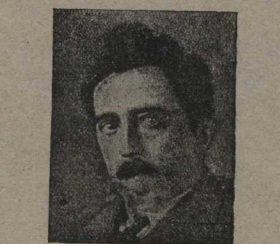
Предсказать исход матча очень трудно. Оба мастера имеют крупные успехи и оба находятся сейчас

участвуют в мисс. мировом состязании в Мангейме, где занимал первое место. В 1929 г. он занимал 5 место на Всероссийской олимпиаде поезда Александрия. Уже на следующем Всероссийском турнире он чемпион РСФСР, Московского международного турнира он делит VII—VIII призы с Рети.

Ф. П. Богатырчук в 1914 г. уже участвовал в International'e в Мангейме, который был прерван

П. А. Романовский

Ф. П. Богатырчук

на блестящей форме. Это обстоятельство привлекает исключительный интерес предстоящему состязанию.

Собравшим кратко биографии этих выдающихся русских мастеров.

П. А. Романовский получает звание мастера 3 категории уже в 1912 г. 20 лет. В 1914 г. впервые

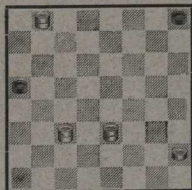
во-во обильно войны, когда Ф. П. был на 4 месте. Во II Всероссийском турнире делит III—V призы с Дуэ-Хотимирским и Пепириковым. На III Всесоюзном турнире делит призы III—IV с Левеншином. На международном турнире в Москве получает XI приз, опередив ряд иностранных мастеров.

ШАШКИ

Под редакцией В. В. Медкова

Этюд № 1

В. В. ГРОМОВ (Ленинград).
Печатается впервые

Белые: D, b8; пр. c3, e5, h2.
Черные: пр. a5, f2, g5, g7, h4, h8.
Белые начинают и выигрывают.

Играла в Житомире в конце 1927 г.

— В бумагах вас мудрено найти?
Где „зав“?
Найти на рисунке.

№ 21. 15 вопросов.

2. Кто сказал: «Дарюте мне, каретин!»
3. Кто изложил Мухомов?
4. Знате ли вы историю неведомого Владимира Ильича?
4. Русский ли инструмент гармоника?
6. При Петре Великом как называлась Москва?
6. Сколько дней существовала Великая французская Революция?
7. Что такое психо-гигиена?
8. Кто был «первый ученик коммунизма»?
9. Как звали Державина?
10. Кто сказал: «Потомки мои, вы не будьте по чужому ВАППА быть обаяны»?
11. Что значат: Горьковский, Ленинградские?
12. Кто и где был убит Гапон?
13. Кто придумал шахматы?
14. Когда в России появились перья? Гуси-комбинаты?
15. Кто сказал: — «Патриотизм не дается»?

5. c3 — a4
 6. g5 : e3
 7. d2 : f4 f6 — g5
 8. e1 — d2 g5 : e3
 9. d2 : f4 e7 — f6
 10. c1 — d2

Лешбья, немедленно проигравшая партию. След. 9. f2 — e3 с приближающимся положением.

9.	h6 — g5
10. f4 : h6	f8 — g7
11. h6 : f8	d8 — e7
12. f8 : d6	e7 : h4

Задача № 3. В. Шумилин.

(Бол. D. е1, h6, h8; пр. а5, е7. Черн. пр. а7, b8. галерея простую). 1. е7—d8, а7—b6 (A); 2. а5—с7; 3. d8—е7; 4. f1—g7; 5. h8—d4; 6. е1—h4; 7. h4—g3 и 8. d4—g1. A) 1. . . . b8—с7; 2. d8—f6; 3. а5—b6; 4. h6—с1; 5. е1—а5; 6. а5—b4 и 7. h8—b2.

Этюд № 5 И. Черников.

(Без. пр. b6, c1, c7, e5, h4. Черн.
пр. a3, a5, b2, g7, h6, h8. Выигрыш)

1. e5 — f6; 2. e7 — b8; 3. b8 : f4, b2 — a1 (если 3. . . . h8 — g7, то 4. f4 — e5 и выигрыш; если 3. . . . h6 — g5, то 4. h4 : f6 и выигрыш); 4. h4 — g5 и дамка a1 не имеет хода, а если h8 — g7, то 5. f4 — h2; 6. h2 : h8 и выигрывает.

Этюд № 6. А. Мишин.

(Бел. D. g7; пр. a3, g1. Черн. D. e3; пр. b6. Выигр-рыш). 1. g7—h6, e3—c1 (если 1... e3—d4, то 2. h6—e3 и выигр.); 2. g1—f2; 3. f2—e3 и выигрывают.

Решения прислали: Л. Рубинштейн (Ленинград), Н. Миклашевский (Ново-Сибирск), В. Шумилин (Ст. Выселки), И. Ельевич (Томск), Н. Митян и Н. Зонков (Тула), А. Сонов (Москва), И. Мичуренко (Бердась Тульч. окр.).

ОТВЕТЫ ЧИТАТЕЛЯМ

3. Остроумову (Уфа). Этот же коло-
построй: кроме того после 1, а5 — б6,
з3 — ф2; 2, б6 — с7, ф2 — е1 можно вы-
играть также ходом 3, с7 — д8; и по-
этому уничтожается помет, вам дву-
ма восклицат. знаками ход 3, с5 — б5.
Присылайте еще.

В. Цветнову (Москва). В вашей задаче № 2 можно сразу, напр., 1. f6 — e7; 2. a7 — b6. Посмотрите, нельзя ли исправить.

В. Тимохину (Саратов), Н. Митину и Н. Зенкову (Тула). Задачи довольно любопытны, но, к сожалению, не имеют вариантов.

№ 19. П а р а д а

Первое — часть не
Второе — имя,
Целое — поэт.

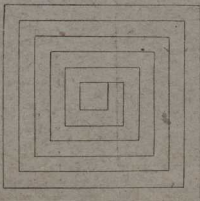
№ 20. Головоломка.

Вырезать оба четырехугольника, затем наложить друг на друга, чтобы получился красноармеец.

№ 22. 3 а д а ч а.

Обман зрения

Закрыв один глаз, всматривайтесь в рисунок другим глазом! Через 15—20 секунд вы найдете изменение. Рисунок надо поворачивать. Какое произошло изменение во время этого опыта?

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

„СМ ЕН А“

№ 4 Февраль 1928 год

СОДЕРЖАНИЕ: И. САРКИЗОВ — СЕРАЗИНИ —
«Потомок Венецианского дожа» (роман приключений, продол-
жение). УЧИТЬСЯ НАДО, ТОВАРИЩИ! — Два письма
М. ГОРЬКОГО. В.А. ОШАНИН — Люди Приаму-
рья (очерк). Н. СЕВЕРЯК — Лесной шелк (очерк). В. М. —
Последние из мошкан (как живут индейцы Канады).
ЭДИССОН МАРШАЛЬ — Слоны помнят (рассказ, оконча-
ние). АНТОН ЛЕПОВ — Отец (рассказ). ИППОЛИТ, И —
«Великий фантаст». ШАХМАТЫ. ЗАДАЧИ И ИГРЫ

Ответственный редактор Г. ЯРЦЕВ

Тираж 25.000.